

Пандократорскій константинопольскій монастырь XII в. и его Типикъ, данный императоромъ Іоанномъ Комненомъ¹⁾.

Знаменитый „царскій“ (*βασιλικὴ μονὴ*) Пандократорскій монастырь, не смотря на грандіозность и великолѣпіе своихъ построекъ, удивлявши и поражавшихъ паломниковъ древности, и на то значеніе, какое онъ имѣлъ въ ряду другихъ известныхъ константинопольскихъ монастырей, не имѣетъ до настоящаго времени обстоятельного исторического очерка. Въ самыхъ послѣднихъ работахъ по изученію „византійскихъ церквей и памятниковъ Константина пола“ повторяется еще старое мнѣніе²⁾, что основательницей этого монастыря была

¹⁾ Изъ книги, приготовленной къ печати: „Описаніе літургическихъ рукописей, находящихся въ восточныхъ книгохранилищахъ“ т. I. ч. I.

²⁾ Типиконъ Пандократорскаго монастыря, хотя настойчиво говоритъ объ императорѣ Іоаннѣ Комненѣ, какъ ктиторѣ его, и никакой роли въ этомъ дѣлѣ не признается за благочестивою его супругою императрицею Ириною, мы тѣмъ не менѣе не прочь считать послѣднюю за создательницу и даже инициаторшу въ дѣлѣ построенія настоящаго монастыря. Основанія для этого мы находимъ прежде всего въ трогательномъ разсказѣ Синаксаря, подъ 13 числомъ августа положившаго праздновать память императрицы Ирины, какъ основательницы Пандократорскаго монастыря (*Μνήμη τῆς ἀοιδίμου καὶ παρμαχαριστοῦ βασι-*

супруга императора Иоанна Комнена Ирина, въ монашествѣ Ксения, скончавшаяся въ 1124 году, а о монастырѣ сообщаются, при всемъ усиліи изслѣдователя ихъ, свѣдѣнія да леко не полныя. На основаніи Типикона Пандократорскаго

λίσσης καὶ κτητορίσσης τῆς σαβασμίας μονῆς τοῦ Παντοκράτορος Σωτῆρος Χριστοῦ Εἰρήνης, τῆς διὰ τοῦ ἀγίου καὶ ἀγγελικοῦ σχῆματος μετονομασθείσης Βένης μοναχῆς), а затѣмъ и въ самомъ Пандократорскомъ Типикѣ 1136 года. Описывая рѣдкія душевные качества этой счастливой матери императрицы, пода- рившей своему супругу восемь человѣкъ дѣтей—четырехъ мальчиковъ и четырехъ девоочекъ, Синаксарь отмѣчаетъ въ импе- ратрицѣ глубокую искреннюю набожность и безпредѣльную лю- бовь къ благотворительности, плодомъ коихъ и явилось у нея горячее желаніе устроить прекрасный монастырь, который свои- ми храмами и благотворительными учрежденіями при немъ— страннопріимницами и богадѣльнями долженъ былъ превосхо- дить всѣ другіе византійскіе монастыри (τὴν βασιλικὴν μονὴν, τὴν ἐπονομαζομένην τοῦ Παντοκράτορος, αὐτὴ ἔκτισεν ἡ ἀοιδίμος ἐκ θεμελίων· ὅμοιῶς καὶ τὸ διά νῦν δρωμένους περικαλλεῖς ναούς, καὶ τὰ ξενοδοχεῖα καὶ γηροκομεῖα, τὰ ὅποια ὑπερέθησαν τούς τε ἀρχαίους ναούς καὶ τὰ ἀρχαῖα ξενοδοχεῖα καὶ γηροκομεῖα, καὶ τὰ νέα, κατὰ τὴν τοποθεσίαν καὶ ώραιότητα). Главнымъ архитекторомъ, подъ надзоромъ котораго производились эти сооруженія, былъ лично известный имиера- трицѣ архитекторъ Никифоръ, названный въ Синаксарѣ „но- вымъ Веселеиломъ“. Послѣ окончанія построекъ монастыря вчернѣ, когда наступили затруднительныя финансовые обстоя- тельства, императрица рѣшилась привлечь къ дѣлу довершенія задуманныхъ сооруженій этого монастыря и самого императора. Однажды, по разсказу Синаксаря, императрица Ирина, взявъ подъ руку императора, ввела его внутрь храма Пандократора и, павъ предъ нимъ на землю, преклонила голову къ самому полу и со слезами произнесла: „прими, государь, сей храмъ, соору- женный Богомъ, подъ свое покровительство“ (διὰ τὴν χάριν σου) Императрица не хотѣла подняться съ полу, пока не услышала

монастыря 1136 года мы констатируемъ теперь фактъ, что ктиторомъ этого монастыря былъ императоръ Іоаннъ Комненъ, пожелавшій устроеніемъ въ немъ великолѣпныхъ храмовъ и образцовыхъ благотворительныхъ заведеній 1) выразить благодарность Богу и пресвятой Богоматери за тѣ многократныя милости, которыя онъ получалъ отъ Нихъ, то въ видѣ блестящихъ побѣдъ надъ персами, скиѳами, далматами, даками и другими народами, то въ видѣ неожиданныхъ и счастливыхъ раскрытий коварныхъ замысловъ и опасностей со стороны внутреннихъ и внешнихъ его враговъ, друзей и даже близкихъ родственниковъ (стр. 656); 2) пріобрѣсти постоянныхъ молитвенниковъ о своихъ грѣхахъ и о грѣхахъ другихъ

изъ устъ царя согласія и ея просьбу. Тронутый слезами и горячою мольбою супруги, императоръ далъ обѣщаніе, которое и выполнилъ блистательно, поставивъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящій монастырь въ число первенствующихъ (*ἐπρώτευε μεταξὺ ὄλων τῶν μοναστηρίων τῆς Κωνσταντινουπόλεως*) въ Константинополь (*Συναξαριστής τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ ὑπὸ Νικοδήμου Ἀγιορείτου ἐν Ζαχονῷ. 1868, τ. γ'. σελ. 240—242*). Синаксарь прибавляетъ, что императрица, скончавшись въ Виениніи, была погребена въ основанномъ ею монастырѣ (Аѣф. сел. 242), или, какъ точнѣе указываетъ нашъ Типикъ, въ усыпальномъ храмѣ въ честь Архангела Михаила (стр. 658, 664, 677, 680).—Гробъ императрицы Ирины въ Пандократорскомъ монастырѣ, неоднократныя и настойчивыя внушенія императора Іоанна Комнена монахамъ этого монастыря чествовать память своей умершей супруги (стр. 681 и др.) и различные стяжанія—„*διάφορα κτήματα*“¹, оставленные монастырю (стр. 698), какъ гласить нашъ Типикъ, покойною императрицею,—все это факты, краснорѣчиво говорящіе, по нашему мнѣнію, за то, что она была связана съ монастыремъ не именемъ только, какъ супруга ктитора, но и болѣе интимными и живыми личными отношеніями, въ качествѣ виновницы бытія данного монастыря и того цвѣтущаго положенія, въ какое онъ приведенъ, по волѣ ея, императоромъ Іоанномъ Комненомъ.

многочисленныхъ членовъ своего дома (стр. 657), находящихся въ живыхъ и умершихъ (стр. 662—663) (въ числѣ послѣднихъ императоръ называетъ отца своего, бабушку, мать и *супругу* (*τῆς μακαριωτάτης δεσποίνης καὶ συζύγου μοι*). (стр. 662, 679, 680, 681); и 3) при жизни создать себѣ памятникъ и указать мѣсто для погребенія себѣ, женѣ, своему сыну Алексѣю и членамъ своей фамиліи (667, 680, 681, 663). Въ виду столь высокихъ цѣлей данного сооруженія, Иоаннъ Комненъ не жалѣлъ богатствъ императорской сокровищницы и устроилъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовый и даже блестящій монастырь.

На основаніи сказаний въ Синаксарѣ, краткихъ и отрывочныхъ замѣтокъ о монастырѣ Пандократора у нашихъ древнихъ паломниковъ очевидцевъ и описаній въ самомъ Типиконѣ лitanій съ иконою Богоматери Одигитріи и всенощнаго бдѣнія на гробахъ императорской фамиліи и въ храмѣ Богоматери Милостивой (стр. 677), совершившихся еженедѣльно въ пятницу и въ ночь на субботу, картина расположенія настоящаго монастыря рисуется въ такомъ видѣ. Монастырь былъ построенъ недалеко отъ храма св. апостоловъ, на возвышенномъ четвертомъ холмѣ, въ X густо населенной (*τὸ συγκεχυμένον τῶν οἰκήσεων*) (стр. 695) части города, съ прекраснымъ видомъ на окружающую мѣстность¹⁾, и занималъ довольно значительную площадь, опоясанную высокими стѣнами съ двумя воротами, изъ коихъ „*заднія*“²⁾ или „*другія*“³⁾ вели въ монастырь Пандократора (*πόλη τῆς*

¹⁾ Никодим. *Αγιορειτ. Συναξαριστῆς τῶν δώδεκα μηνῶν τοῦ ἐνιαυτοῦ τ. γ!*. с.л. 241.

²⁾ О „*преднихъ*“ и „*заднихъ*“ вратахъ“ настоящаго монастыря говоритъ архіепископъ новгородскій . Антоній (П. Савваит. Путешеств. въ Царьградъ XII стол. стр. 146—147).

³⁾ Болѣе обстоятельное описание Пандократорскаго монастыря и болѣе ясное указаніе на *две* ворота его мы находимъ

μονῆς) и были доступны лишь однимъ мужчинамъ (стр. 671), а „преднія“ или „первая“, находясь вблизи двери въ храмъ Богоматери Милостивой (ἀπὸ τῆς πύλης τοῦ, οὐαῦ τῆς Ἐλεούσης), открывались по нуждѣ иногда и для женщинъ, когда, напр., онѣ являлись въ монастырь для погребенія монаховъ родственниковъ, или для поминовенія ихъ (стр. 671). Фасадомъ монастыря служилъ фасадъ храма Богоматери Милостивой. „Надъ враты“ нарекса его находился и „Спасъ мусіею утворенъ, великъ обновлъ и высокъ“ (τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ, τὴν πρὸ τῆς πύλης τοῦ νάρθυχος). На открытой площади предъ храмомъ стоялъ фіалъ (φιάλη) съ водою для утоленія жажды путниковъ и богомольцевъ (стр. 677, 679).

Главный храмъ въ монастырѣ былъ посвященъ всесильной Премудрости Божіей (τῇ παντοδουνάμῳ σοφίᾳ σου) (стр. 656, 702) или Вседержителю и имѣль, кроме алтарного абсида съ углубленіемъ (μύαξ), еще два боковыхъ абсида (δεξιὰν ἀψίδα καὶ ἀριστεράν), называвшихся діаконниками (ἐν τοῖς διακονικοῖς). Храмъ на западѣ ограничивался притворомъ внутреннимъ (νάρθηξ), имѣвшимъ нѣсколько входныхъ дверей, изъ коихъ уставъ называетъ только красныя врата (ώραῖαι πύλαι), и вѣшнимъ (έξωνάρθηξ), а вверху покрытъ былъ куполомъ (τρούλλον) съ четырьмя малыми куполами (έπιφόλια) по бокамъ. Алтарь

у нашего паломника XIV в. Стефана Новгородца. „Идохомъ, пишетъ онъ, къ Спасу великому монастырю, рекше Вседержителю. Внiti во врата первая, и есть надъ враты Спасъ мусіею утворенъ, великъ бо образомъ и высокъ, также и въ другія врата вити, тожъ въ монастырь, видѣти зданіе чудно и красно, а церковь мусіею удивлена изовну, аки сіяеть“ (П. Сахаровъ. Сказан. русск. народа. Спб. 1849 т. II, к. VІІ, стр. 54). Проф. Н. П. Кондаковъ ошибочно толкуетъ «другія врата» въ смыслѣ дверей „изъ 2-го притвора внутри церкви“ (Визант. церкви и памятники Константиноополя стр. 213), такъ какъ Стефанъ Новгородецъ категорически говоритъ о „другихъ вратахъ тожъ въ монастырь“, а не въ церковь.

отъ храма отдѣлялся преградою (*κιγκλίδες*) (стр. 658) и иконостасомъ (*τέμπλον*), по бокамъ котораго были два небольшіе иконостаса (*μικρὸν τέμπλον*), отдѣлявшіе отъ храма боковые (*τὰ δεξιῶν τέμπλον*) абсиды. Въ храмѣ находилось нѣсколько иконъ, а именно: въ апсидѣ алтаря иконы Пандократора, Воскресенія и Распятія, въ правомъ апсидѣ—Тайной вечери (*ὁ Δεῖπνος*), въ лѣвомъ—Умовенія ногъ (*ὁ Νιπτήρ*), надъ красными вратами—Успенія Богоматери и нѣсколько иконъ въ куполѣ. Кроме того иконы были въ иконостасахъ большомъ и въ малыхъ и на двухъ аналояхъ (*δύο προσκυνήσεις*) по бокамъ храма (стр. 660—661). Стѣны заставлены были стасидіями (стр. 659—660), которыя, по указанію екклесіарха, занимались братіями по старшинству. Въ храмѣ для освѣщенія его имѣлся большой хоростъ (*ὁ χορός*) или металлическій кругъ съ 16 сосудами (*χρατῆρες*) для елея, которые въ большіе праздники замѣнялись поликандилами (*πολυκάνδηλα*)¹). Предъ иконами висѣли лампады (*λαμπάδες*), стояли подсвѣчники для одной свѣчи (*μανουάλια* и *χηροπήγια*), для трехъ свѣчей (*τρικάνδηλον*), а въ большіе праздники предъ иконою Спасителя для 12 свѣчей (*δωδεκαφώτια*), (стр. 660—661).

Второй храмъ во имя Богоматери Милосердой²) по устройству своему сходенъ съ первымъ, но имѣть на западной сторонѣ лишь одинъ притворъ, въ которомъ находились мозаическая икона Богоматери (*ἐν τῇ διὰ μουσείου εἴκόνι. τῆς*

¹⁾ Укращеніе древнихъ византійскихъ храмовъ многочисленными кандилами было въ духѣ своего времени. „Кандиль развѣшено многое множество несчетно въ святой Софіи, пишетъ паломникъ Стефанъ Новгородецъ, иная жъ въ предѣлѣхъ и каморахъ, а иніи въ стѣнахъ и промежъ стѣнъ и въ улицахъ церковныхъ, идѣже иконы великия стоять, и ту кандила съ масломъ деревяннымъ горять“ (Сахаров. Сказан. русск. народа т. II, кн. 8, стр. 52).

²⁾ Обновленіе храма въ честь Богоматери Милостивой положено праздновать 11 числа августа мѣсяца. Въ Синаксарѣ празд-

Ἐλεούσης), противъ нея, надъ самою дверью нарөикса (ἄνωθεν τῆς πύλης τοῦ νάρθηκος), ведущею въ храмъ, другая икона Предтечи и фіалъ (έτέρα φιάλη) съ текущею водою для народа, присутствующаго за богослуженiemъ. Въ храмъ съ различныхъ сторонъ вели семь дверей, надъ которыми висѣли семь иконъ (έτερα κηρία ἐπτά, καθ' ἑκάστην δηλούστι εἰκόνα, τὴν ἰσταμένην ἐπάνω τῶν ἐν τῷ ναῷ διαφόρων πυλῶν, κηρίον ἔν). Изъ нарөикса черезъ проходъ (ἡ εἰσοδοέξοδος), закрытый дверью, выходили въ открытые портики (εἰς τοὺς ἐμβόλους), примыкающіе непосредственно къ городскому портику¹⁾ (τοὺς παρακειμένους τῷ δημοσίῳ ἐμβόλῳ). При храмѣ были устроены и боковые портики (ἐν τῷ ἐξωτερικῷ τοῦ ναοῦ πλαγῖῳ). На площасти предъ храмомъ стоялъ фіалъ съ водою для усталыхъ отъ пути²⁾). Украшения храма и обстановка также самая, что и въ храмѣ Пандократора. (стр. 677—678).

никъ записанъ такъ: Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τελοῦνται τὰ ἐγκαίνια τοῦ σεβασμοῦ καὶ περικαλλοῦς οἴκου καὶ θείου ναοῦ τῆς ὑπεραγίας Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου τῆς Ἐλεούσης (Συναξαριστής. т. γ'. с.л. 235). Почему храмъ Богородицы Елеусы у проф. Н. П. Кондакова превращенъ въ „монастырь“, и почему его построеніе онъ относитъ къ XI вѣку (если не раньше) (Визант. церкви и памятники Константинополя стр. 72)—все это для насъ не понятно.

¹⁾ О городскихъ портикахъ Константинополя и объ остаткахъ портиковъ храма Богоматери Елеусы см. у проф. Кондакова. Визант. церкви и памят. Констант. стр. 135—137, 211.

²⁾ Если вѣрно угаданы археологами остатки построекъ Пандократорского монастыря въ мечети „Зейрекъ-джами“ или „Килиссе-джами“, то они ближе всего относятся къ церкви Богоматери Милостивой, построенной императоромъ Иоанномъ Комnenомъ при Пандократорскомъ монастыре и украшенной богатыми мозаиками. „Величественный фасадъ церкви“, описываетъ настоящую мечеть проф. Н. П. Кондаковъ, представляетъ высокую стѣну съ 7 глухими арками. Дверь въ средней аркѣ, которая нѣсколько больше размѣрами, ведетъ въ первый или вѣнчайший нартексъ,

Между названными двумя храмами (μεταξὺ τοῦ τοιούτου ναοῦ (т. е. Богородицы) καὶ τῆς μονῆς) былъ построенъ на подобіе храма Геркулеса (*ἐν σχήματι Ἡρφοῦ*) небольшой храмъ (*εὐκτήριον*) во имя Архистратига Михаила, предназначавшійся служить царскою усыпальницею (стр. 677). Храмъ этотъ былъ круглый съ тремя апсидами: въ двухъ изъ нихъ (*εἰς τὰς δύο*

теперь крайне темный; пять дверей, ведущихъ изъ этого нартекса во второй, еще сохранили свои косяки изъ пестраго мрамора съ тонкою и сложною профилевкою въ видѣ полуколонокъ. Второй нартексъ, еще темнѣе, освѣщается чрезъ двери и особые люнеты, продѣланные надъ дверями. Очевидно, что освѣщеніе первого притвора нѣкогда было гораздо сильнѣе, слѣдовательно, что *арки фасада были сначала открытыми*, и замурованными лишь впослѣдствіи, быть можетъ, уже при туркахъ. Между тѣмъ оба нартекса были богато отдѣланы и кроме мраморного пола въ нихъ и теперь можно видѣть выступающія изъ подъ стука части мраморной облицовки... Колоссальное изображеніе «мусіею» по грудь Спаса (у Ст. Новгородца—высокъ) въ люнетѣ надъ дверью и уничтожено было при туркахъ, когда пробили здѣсь два полукруглыхъ окна... Три двери внутренняго притвора ведутъ въ нынѣшнюю мечеть. Она занимаетъ одно правое или южное отдѣленіе—церковь тоже—прежняго храма. *Весь храмъ состоитъ изъ трехъ подобныхъ отдельений или церквей...* Получился крайне оригинальный планъ храма, крытаго четырьмя куполами, а именно праваго и лѣваго крыла—собственно церквей—крытихъ каждый однимъ куполомъ, и срединной меньшей церкви, крытой двумя... Малые размѣры средней церкви и самая форма указываютъ, что эта церковь играла роль такъ наз. *хора* въ западныхъ церквяхъ. Въ правой церкви куполь (безъ барабана) опущенъ при посредствѣ четырехъ парусовъ на колонны, которыя въ нынѣшнемъ опикуатуренномъ видѣ представляютъ романскіе столбы, разделанные полуколонками... ихъ капители имѣютъ видъ трапецій, на которыхъ легко различить чаши съ вѣтвями въ видѣ іоническихъ волютъ и окруженнѣхъ пальметтами... Три арки на западной

той 'Ηρῷον ἀφίδας) находились иконы Распятія и Воскресенія, а въ третьемъ (*εἰς τὴν ἑτέραν ἀφίδα*) святой гробъ (*τὸν ἄγιον τάφον*), съ иконою надъ нимъ Христа, являющагося Маріамъ, и имѣлъ купольное покрытие (стр. 681). Въ храмъ къ императорскимъ гробницамъ вела дверь (*εἰς τὴν εἰσόδοεξόδον*), надъ которой стояла икона Христа. Кругомъ храма было развѣшено множество сосудовъ с. елеемъ или поликандиль (стр. 678, 681).

сторонъ открываютъ видъ *на иникей или хоры*, помѣщающіеся надъ внутреннимъ нартексомъ; арки опираются на тонкія мраморныя колонки. И здѣсь, какъ въ гинекеѣ Сергія и Валх, подъ штукатуркою скрываются *мозаики*. Но отъ всѣхъ украшеній оставлены только мозаическій полъ и облицовка апсиды пестрыми мраморами по рисунку св. Софіи. Три арки, опирающіяся на столбы, открываютъ широко среднюю церковь. Имѣя квадратный планъ, она крыта двумя куполами: одинъ овальный куполь, расположенный по длинѣ церкви, и другой овальный же, покрывающій абсиду и расположенный поперекъ. Въ алтарѣ любопытны двѣ пролетныя *арки*, *ведущія въ алтарь жертвеннika и ризницу* крытыя полукуполами. Третья церковь или лѣвое крыло по своимъ пропорціямъ (она обширнѣе первой) и устройству купола на четырехъ широкихъ столбахъ любопытна близостью своею къ древне-рускимъ постройкамъ, очевидно, усвоившимъ также и типъ монастырскихъ церквей Византіи. Церковь эта имѣть только одинъ входъ (въ настоящее время?) съ съверной стороны, и куполь, какъ и въ первой, освѣщаетъ и покрываетъ собою ея переднюю часть; алтарь же образуется двумя большими арками и полукупольнымъ сводомъ абсиды. Подъ обнажившеюся штукатуркою здѣсь видны фрески (церковь пострадала недавно отъ стоявшей въ ней воды) и антаблементы изъ краснаго мрамора съ рѣзными пальметтами. Восточныя стѣны церкви весьма характерны по своему строенію и архитектурной декорациі: они столько же напоминаютъ средневѣковыя римскія базилики, какъ и постройки грузинскія: тонкія колонки и здѣсь обрамляютъ аркады вмѣстѣ съ

Въ монастырѣ, по уставу, должно быть не болѣе 80 монаховъ, изъ коихъ 50 постоянно (*ἀδιαπάστως*) пребываютъ въ храмѣ на молитвахъ, а остальные, отличающіеся высокими качествами ума и характера (*τὴν φρόνησιν πολὺοί, σεμνοὶ τὸ ἔθος*), украшенные добродѣтями, ревностные въ исполненіи своихъ обязанностей, назначаются на разныя монастырскія должности. Изъ этихъ лицъ выбираются икономы, екклісіархъ, сковофилаксы, хартофилаксы, завѣдующіе больницею (*υσοχόμος*) и гостиницею (*Ξενοδόχος*), а равно дохіарные и магазинщики (*δοχειάριοι καὶ ώρειάριοι*). Количество церковно-служителей было сравнительно не велико: два доме-

пестрою профілевкою карнизовъ, поясовъ и пр.[“] (Визант. церкви и памятн. Константинаополя стр. 212—215). Сравнивая это описание мечети «Зейрекъ-джами», сдѣланное очевидцемъ и ученымъ археологомъ, съ краткимъ описаніемъ храма Богоматери Елеусы, по нашему памятнику, мы видимъ ясное сходство въ фасадѣ обѣихъ церквей, въ устройствѣ нарѳиксовъ, въ количествѣ входныхъ дверей (мы думаемъ, что *седьмая* дверь съ южной стороны нынѣ заложена), въ дѣленіи на три корабля и въ украшеніи ихъ мозаиками, о которыхъ нашъ Типиконъ, при описаніи храма Пандократора, почему то совершенно умалчиваетъ. Другихъ архитектурныхъ и декоративныхъ подробностей нынѣшней мечети, съ такою обстоятельностью описанныхъ Н. П. Кондаковымъ, мы не касаемся, такъ какъ въ нашемъ Типиконѣ для ихъ сопоставленія мы не имѣемъ данныхъ. Замѣтимъ лишь, что существующій въ мечети «Зейрекъ-джами» *гинеконъ*, устроенный на западной єї сторонѣ надъ внутреннимъ нарѳиксомъ, говоритъ тоже въ пользу нашего предположенія. Въ храмѣ Богоматери Милостивой, куда каждую недѣлю собирался во множествѣ народъ безъ различія пола для агринній, потребность въ *гинеконѣ* была естественная, тогда какъ въ храмѣ Пандократора, по уставу обители, женщины и хотя бы знатныя не допускались никоимъ образомъ, и въ *гинеконѣ*, слѣдовательно, не было никакой надобности. Монахи стояли въ храмѣ въ стасидіяхъ.

стика, 6 іереевъ, 6 діаконовъ, два канонарха, два парадоместика, и одинъ часовщикъ (ὁ ϕρολόγος). Впрочемъ, количество діаконовъ и іереевъ, по желанию игумена, могло быть и увеличено. Въ штатъ монастырской прислуги міряне не допускались никоимъ образомъ. По уставу, „одни лишь монахи имѣли право обитать въ своемъ раю (ἀτοὶ μόνοι τὸ οἰκεῖον παράδεισον κατοικήσουσι), воздѣлывать и бработывать его“. Въ числѣ прислуги считались помощники екклесіарховъ (παραεκκλησί-άρχαι), подъикономы (παροικούμοι), хлѣбопеки, садовники, повара и др. Четыре человѣка изъ штата прислуги (ἀπὸ τῆς τῶν δοὐλειῶν μοίρας) были назначены на самыя черныя работы (πρὸς τὰς ἐσχάτας διακονίας), или, какъ поправляется составитель устава, „на первыя и богоравныя“ (τὰς πρώτας καὶ ἴσοδέους), а именно: мыть для братіи бѣлье и верхнія одежды, приготавлять ванны (τὰ σώματα ρύφουσι τῷ λοιπῷ), прислуживать больнымъ и мыть скалки, тарелки и корчаги (Ἐστας καὶ πίνακας καὶ χύτρας) (стр. 671 Сн. стр. 696).

Инымъ образомъ и совершенно на иныхъ началахъ, напоминающихъ, по описанію архіепископа Антонія¹), устройство клира при храмѣ св. Софіи, были составлены штаты духовенства при храмѣ Богоматери Милостивой. Здѣсь полагалось всего 50 клириковъ въ такомъ составѣ: 8 священниковъ, изъ коихъ два понедѣльно предстоятельствовали остальнымъ священникамъ (πρωτεύσει τῷ λοιπῷ) и считались ста-

¹) „Мануилъ царь, пишеть нашъ паломникъ, испытывалъ по всей области греческой и повелѣлъ звати всѣхъ поповъ и давати имъ порепишу, (ὑπέρπορον)... А у святыхъ Софіи 3000 поповъ: пятьсотъ руцу емлютъ, а полтретии тысячи не емлютъ; а еїда же умретъ попъ отъ пятисотъ, то отъ полутортии тысячи входитъ попъ на място его. (П. Саввант. Путешеств. арх. Антонія ст. 173—174). Въ этомъ извѣстіи, быть можетъ, есть и преувеличеніе, но сходство въ устройствѣ клира софійского и храма Богородицы Милосердой, по нашему памятнику, полное.

рѣйшими, 10 діаконовъ, 2 доместика, два лаосинакта, 16 пѣвцовъ, четыре канонарха, сиротъ или кандилаптовъ (*όρφανούς*¹) *ητος κανδηλάπτας* 8, и еще 4 сироты сверхъ штата (*περισσούς*) на случай, еслибы кто либо изъ штатныхъ кандилаптовъ (*τῶν ἐμβάθυν όρφανῶν*) выбылъ (стр. 678). Эти сверхштатные сироты до времени исполняли роль писцовъ и оказывали разнаго рода услуги въ храмѣ многочисленнымъ бого-мольцамъ, присутствовали за богослуженiemъ въ торжественные дни, принимая участіе въ разнаго рода церемоніяхъ, и наблюдали вмѣстѣ съ женщинами за храмомъ и прилегающими къ нему постройками. Сверхъ штатнаго числа клириковъ, полагались еще *четыре женщины*, почтенныя возрастомъ и благонравныя (*γυναῖκας σεμιὰς καὶ κοσμίας καὶ τῇ ἡλικίᾳ καὶ τῷ ἥδει πενιλιωμένας*), на обязанности которыхъ было служить при храмѣ и заботиться о благолѣпіи его, а равно и о находящихся при немъ портикахъ и пристройкахъ (*καὶ τὰ περὶ αὐτόν*). Эти четыре женщины чередовались между собою такимъ образомъ: двѣ служили въ храмѣ одну недѣлю, а двѣ другія слѣдующую, но въ пятницу вечеромъ, когда предполагалось большое стеченіе народа, по случаю бдѣнія предъ иконою Богоматери Одигитріи, должны были находиться въ храмѣ на лицо всѣ четыре для разнаго рода услугъ бого-мольцамъ (стр. 678). Этихъ-то женщинъ, какъ мы думаемъ²),

¹) Совершенно тѣмъ же именемъ называются (*τὰ όρφανά*) прислужники или кандилапты въ уставѣ св. Софії константинопольской (стр. 32, 34 и др.) и въ другихъ памятникахъ патріаршаго священослуженія (стр. 157). Нужно полагать, что кандилапты св. Софії и другихъ храмовъ Византіи удерживали за собою название „*τὰ όρφανά*“ или „*οἱ όρφανοι*“ потому, что они брались изъ общественнаго воспитательного дома (*όρφανοτροφεῖον*), находившагося несомнѣнно подъ покровительствомъ Великой церкви (стр. 18, 84).

²) См. подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: «Богослуженіе страстной и пасхальной седмицы во св. Іерусалимѣ IX—X в.». Каз. 1894 г. прим. 105, стр. 403—406.

арх. Антоній и называетъ „мироносицами“¹⁾, по сходству тѣхъ обязанностей, какія выполняли онѣ и въ храмѣ Іерусалима при гробѣ Господнемъ, и въ Константинополѣ во св. Софіи и въ другихъ важнѣйшихъ храмахъ этого города. Всѣ клирики дѣлились такъ на двѣ череды: одна половина исполняла свои обязанности одну недѣлю, а другая другую (стр. 678).

Требуя, чтобы клиръ храма св. Богородицы Милостивой былъ „избранный“ (*χλῆρον ἐκλεγμένου, μερίδα τιμίαν, ἀφωσίωμα κάλλιστου*) (стр. 657), а священники и діаконы, въ частности, достойны всякаго уваженія (*ἀξιολογώτεροι*) (стр. 678), императоръ постарался и материальный его бытъ всячески возвысить и улучшить. По завѣщанію императора, клиръ получалъ вознагражденіе ругою и хлѣбомъ (*ρόγας καὶ ἀνυόνας*)²⁾ въ такомъ количествѣ: первые два священника по 15 монетъ иперпиръ (*ὑπέρπιρα*)³⁾ и хлѣба по 25 морскихъ модіевъ, шесть обыкновенныхъ священниковъ по 14 иперпиръ и хлѣба по 25 морскихъ модіевъ, 10 діаконовъ по 13 такихъ же монетъ и по 24 морскихъ модіевъ хлѣба, столько же получали два доме-

¹⁾ „И отъ того же олтаря (т. е. надъ гробомъ Аны) недалече мироносица поютъ, пишеть арх. Антоній, и стоитъ предъ ними икона велика пречистыя Богородицы держащи Христа; и шли слезы отъ очю ея на очи Христа Бога нашего. И даютъ воду, иже во олтари, на помазаніе всемъ человѣкомъ“. П. Савваит. Путешеств. стр. 62—63.

²⁾ Императрица Ирина въ 1114 году опредѣлила въ своеемъ уставѣ, чтобы два іеромонаха евнуха, отправлявшіе богослуженіе въ ея монастырѣ, получали продовольствіе (*τὸ αἰδέσιμον ἀπὸ τῆς πολιτείας*) изъ государственного казначейства. Miklos. et Muller. Acta et diplomata monast. et eccles. orientis. t. II, pag. 346.

³⁾ Определеніе цѣнности данной монеты и ея многоразличныхъ видовъ см. у П. Савваита. Путешеств. арх. Антонія въ Царьградъ стр. 173, прим. 295. На наши деньги каждая иперпира стоила около 4 рублей.

стика и два лаосинакта, 16 пѣвцовъ—по 12 иперпиръ и хлѣба по 20 морскихъ модіевъ, 4 канонарха по 6 иперпиръ и хлѣба по 15 такихъ же модіевъ, столько же получали каждый изъ семи кандилаптовъ или сиротъ, а четыре писца получали по 4 иперпиры и по 12 морскихъ модіевъ хлѣба (стр. 679). Оклады съ теченіемъ времени могли быть и увеличены. Низшимъ служителямъ при церкви платилось понедѣльно (*ἐβδομαδικόν*) по одной иперпирѣ и въ пятницу за бдѣніе столько же. Къ указаннымъ окладамъ полагались для всего клира прибавки на праздники Благовѣщенія и Срѣтенія по 2 иперпиры въ каждый праздникъ, въ дни поминовенія отца императора, самого императора и его супруги по три иперпиры, а въ дни поминовеній матери и бабки императора—по двѣ иперпиры. Въ случаѣ, если умретъ сынъ императора, царь Алексѣй, и будетъ похороненъ, какъ обѣщался, въ монастырѣ, то, при поминовеніи его, клиръ будетъ получать гонораръ также въ 3 иперпиры (стр. 679—680).

При храмѣ въ честь Архангела Михаила не было особыго клира. Службы совершались главнымъ образомъ монахами монастыря съ участіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и клириковъ храма Богоматери. (стр. 679). Храмомъ этимъ завѣдывалъ екклесіархъ монастыря, а всѣ заботы о немъ были возложены ктиторомъ на монастырь (стр. 681).

Два различные храма одного и того же монастыря не только имѣли особые штаты клириковъ, но и совершенно различные церковные уставы (*ἐκκλησιαστικόν Τοπικόν*). Монастырю императоръ, по обычай другихъ ктиторовъ, сочинилъ (*κατὰ τὸ γεγούδε παρ' ἡμῶν ἐκκλησιαστικόν Τοπικόν*) свой собственный Типиконъ (стр. 657, 664), подробное изложеніе котораго намъ остается неизвѣстнымъ, и узаконилъ въ богослужебной практикѣ руководиться имъ, а духовенству храма Богородицы Милостивой вмѣняетъ въ обязанность, при совершенніи богослуженія, держаться, по образцу великаго храма въ дворцѣ, послѣдованія *Αγιοπολίτα*. „*Οφειλει φάλλεσθαι ἡ ἀκολού-*

Ωια τοῦ Ἀγιοπολίτου, пишеть въ Типиконѣ императоръ, κατὰ τὸν τόπον τοῦ ἐν τῷ παλατίῳ μεγάλου ναοῦ“ (стр. 678). Это послѣднее замѣчаніе для насъ въ высшей степени драгоцѣнно. Оно до нѣкоторой степени даетъ ключъ къ разрѣшенію вопроса относительно того, откуда императоръ Іоаннъ Комненъ береть для клира основаннаго имъ храма Богородицы Милостивой образецъ. Это—съ одной стороны. Съ другой, отсюда мы получаемъ теперь ясное и отчетливое понятіе о томъ, что такое „Ἀκολουθία τοῦ Ἀγιοπολίτου“¹⁾), или „Ἀκολουθία κατὰ τὴν παράδοσιν τοῦ Ἀγιοπολίτου“, или, наконецъ, просто „Ο Ἀγιοπολίτης“, выдержки изъ котораго мы часто встрѣчаемъ въ различныхъ богослужебныхъ книгахъ древней Византіи. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ именемъ назывался придворный Церковный уставъ, практиковавшійся и въ нѣкоторыхъ императорскихъ монастыряхъ, какъ, напр., въ Пандократорѣ и, по всей вѣроятности, въ другихъ.

Литургическая подобъти Пандократорскаго Типикона не лишены интереса, но, къ сожалѣнію, они главнымъ образомъ касаются суточного богослуженія. Замѣчанія же о годичномъ богослуженіи въ немъ весьма скучны.

Монастырскій день въ обыкновенное время начинался съ полночи, когда братія пробуждались отъ сна для утренняго богослуженія, но въ праздники богослуженіе начиналось еще раньше, въ пятомъ часу ночи. Будитель (ὁ ἀφοπλιστής) съ возгласомъ: „Благослови и помолися о мнѣ, отче“, просилъ благословенія у игумена и затѣмъ ударялъ въ великое сбор-

¹⁾ A. Quirinus-Venetus. Diatribae ad prior. part. veteris officii quadragesimalis Graeciae ortodoxae Romae 1721 an , pag. 173—176 и проф. И. Д. Мансветовъ Церковн. Устав. стр. 130 знаютъ „о послѣдованіи Агіополита“, но истиннаго смысла и значенія этого послѣдованія въ богослуженіи византійской церкви не выясняютъ.

ное было (μέγα συνακτήριον). Братія по звону собирались въ притворъ храма на полунощницу, во время которой пѣлись „непорочны“ съ раздѣленіемъ на три статьи, при чмъ, послѣ каждой статьи, произносили Трисвятое и два полуночные троаря съ богородичнымъ (стр. 658).

По окончаніи полунощницы, изъ притвора братія шли въ храмъ, при чмъ каждый, помолившись предъ царскими вратами, становился на свое опредѣленное мѣсто, назначенное ему екклесіархомъ. Разговаривать въ храмѣ, начинать пѣніе или чтеніе раньше начальствующаго на клиросѣ, указывать ему, хотя бы кто зналъ порядокъ и лучше, строго возбранялось. Въ крайнемъ случаѣ вопросы дозволялись лишь во время каѳизмъ, во съ соблюдениемъ должной тишины (стр. 660).

Очередной священникъ, остановившись предъ алтаремъ, получаетъ отъ екклесіарха кадило и, покадивши трижды предъ рѣшеткою (ἐπτροσθεν τῶν κιγκλίδων), удаляется въ алтарь и кадитъ трижды каждую сторону престола. По выходѣ изъ алтаря, священникъ, въ предшествіи ему одного чтеца съ открытою головою и съ лампадою въ рукѣ, отправлялся въ храмъ Архистратига Михаила къ императорскимъ гробницамъ, затѣмъ кадилъ икону Пандократора, другія иконы и священныя мѣста въ храмѣ и всѣхъ братій, стоящихъ въ стасидіяхъ. Во время этого кажденія, при жизни императора, монахи должны были пѣть за него Трисвятое и псалмы 19 и 100, что и нынѣ, и троары: „Спаси Господи“, „Вознесійся на крестъ“ и богородичень: „Скоро предвари прежде поработиши ны“ и 15 разъ „Господи помилуй“. Послѣ смерти императора, чтеніе одного 19 псалма и указанныхъ троарей было оставлено за здравствующаго императора, а по умершемъ монахи должны были пѣть другое Трисвятое, псаломъ 6, троары: „Со святыми упокой“ съ богородичнымъ: „Тя и стѣну и пристанище“ и молитву: „Помяни, Господи, усопшихъ православныхъ нашихъ царей и ктиторовъ“. Послѣ окончанія кажденія храма, священникъ

становился предъ царскими вратами, кадилъ ихъ, произнося возгласъ: „Слава святъй“ и читалось посрединѣ храма шестопсалміе. Братія безъ шума тихо повторяли слова читаемыхъ псалмовъ. Послѣ шестопсалмія пѣли или „Богъ Господъ“ или „Аллилуія“, и затѣмъ читались каѳизмы (стр. 658—659). Ипакои, а равно и другія пѣсни пѣвцы пѣли всегда предъ царскими вратами (стр. 660). Первый часъ присоединялся къ утрени.

Часы третій и шестой предваряли литургію, а девятый совершался послѣ нея (стр. 664).

Для литургіи ¹⁾ приготавлялись просфоры изъ чистой муки (*σεμιδάλεως*) въ 4 екзагія на каждый день: двѣ побольше—въ честь Господа и Богоматери, третья въ честь дневного святого и четыре меньшихъ для поминовенія отца, бабки, матери и супруги императора. Изъ этой же муки пекли хлѣбъ и для игумена. Просфоры, разрѣзанныя на кусочки, раздавались монахамъ. По субботамъ, кроме того, приготавлялись изъ пшеничной муки (*ἄξις ἀλεύρου*) и другія просфоры для поминовенія главнѣйшихъ членовъ императорского дома живыхъ и умершихъ и отдельная просфора за внука Алексѣя, сына севастократора Исаака (стр. 662—663). Съ тою же цѣлію по субботамъ устраялись три блюда колива. Просфоры и коливо для поминовеній лицъ императорской фамиліи составляли неотъемлемую принадлежность литургій и

¹⁾ Въ храмъ Богоматери Милостивой изъ монастырской пекарни (*ἀπὸ τοῦ τῆς μονῆς ἀρτοκοποίου*) для совершения литургіи отпускалось ежедневно по три просфоры: господская въ два лита изъ семидала и двѣ поминальныя изъ чистой пшеничной муки (*ἀπὸ ἀλεύρου καθαρωτάτου*) такого же вѣса. Изъ монастыря же шло и вино (*νάρα*) для литургіи (стр. 680). Въ храмъ Архистратига Михаила литургія совершалась трижды въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ и всякий разъ на трехъ просфорахъ въ два лита изъ чистѣйшей пшеницы (стр. 681).

въ дни годичныхъ поминовеній: въ субботу мясопустную, въ субботу сырную и въ субботу Пятидесятницы (стр. 663). Для поминовенія всѣхъ названныхъ въ уставѣ лицъ императорскаго дома на проскомидіи и литургіи—живыхъ и умершихъ имѣлись въ монастырѣ *диптихи*. (Тамъ же).

День монастырской жизни оканчивался вечернею и повечеріемъ, между которыми, по уставу монастыря, полагался ужинъ (стр. 667—668).

Само собою разумѣется, что для настѣ гораздо большій интересъ въ научномъ отношеніи должны имѣть тѣ замѣчанія настоящаго Типика, которыя такъ или иначе касаются богослуженія годичнаго и въ частности богослуженія, совершаемаго въ храмахъ Богоматери и св. Архангела Михаила, по уставу главнаго храма въ императорскомъ дворцѣ. Такихъ замѣчаній, къ глубокому сожалѣнію, весьма немного и, по изложению, они отличаются краткостію и даже отрывочностію. Но это побуждаетъ насъ тѣмъ выше ставить цѣнность и значеніе этихъ свѣдѣній для исторіи византійскаго церковнаго обряда. И такъ, что же даетъ намъ Цандократорскій Типиконъ въ этомъ отношенії?

Здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить установленное императоромъ торжественное бдѣніе съ панихиidoю (*ἀγρυπνία μετὰ πανηγυρίδος*) съ вечера пятницы чрезъ всю ночь на субботу каждой недѣли. Эта панихида служилась за здравіе императора и живыхъ членовъ его дома, а равно и за умершихъ. Бдѣнію предшествовала торжественная литанія или крестный ходъ, на которомъ выносились церковныя знамена (*σίγουν*), иконы и главнымъ образомъ икона *Божіей Матери, называемая Одигитрія*¹), чтимая импе-

¹) Это ношеніе иконъ и хоругвей въ крестныхъ ходахъ древней Византіи было дѣломъ весьма не легкимъ. Любопытную картину подобнаго хода съ иконою Богоматери, писанною рукою евангелиста Луки, взятую съ натуры, хотя и не безъ прикрасъ и

раторомъ и хранившаяся во дворцѣ¹⁾). Въ совершеніи литаніи принимаютъ участіе клиръ и множество народа обоего пола. На встречу изъ храма Богоматери выходила торже-

преувѣличеній, свойственныхъ «бывалому» человѣку, мы находимъ у нашего паломника Стефана Новгородца. «Идохомъ во вторникъ къ святой Богородицѣ поклонитися *выходней* иконѣ, пишетъ нашъ паломникъ, ту бо икону евангелистъ Лука написа, понарови самую Госпожу дѣву Богородицу, еще сущей живу; *ту бо икону во всякий вторникъ выносить*. Чудно вельми зряти, како сходится народъ и людіе изъ иныхъ городовъ! Икона-жъ та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы предъ нею поютъ красно, а народи вси зовутъ: *Киріе елейсонъ!* съ плачемъ. *Единому человѣку на плеча вставять раму, а онъ руць распространять, аки распять, также и очи ему запровержутъ(?)*, видѣти грозно, по ходбишѹ мещетъ *его семо и овамо, вельми сильно повертываеть имъ, а оно не помнится, куда его икона носить*. Потомъ другой подходитъ, и той тако-жъ, тажъ третій и четвертый подхватываютъ, и тіи вси тако жъ. А они поютъ пѣніе съ дьяки великое, и народъ зоветт: «Господи помилуй!» съ плачемъ. Два діакона держать репиды, а иные кивотъ предъ иконою. Дивное видѣніе! Три человѣка вставлять на плеча единому человѣку, а онъ аки простъ ходить изволеніемъ Божіимъ» (Сахар. Сказан. русск. народа, т. II, кн. VIII стр. 52—53). Очевидно, обыкновенное физическое изнеможеніе носильщиковъ было принято нашимъ набожнымъ паломникомъ за проявленіе особенного чуда отъ иконы. Сознавая тяжелый трудъ носильщиковъ иконы и дѣяния его, императоръ Іоаннъ Комненъ не забылъ о нихъ въ своемъ Типиконѣ. За всякий вышеозначенный крестный ходъ полагалось выдавать отъ монастыря 50 иперпиръ, изъ коихъ *по двѣ иперпиры* выдавалось каждому изъ носильщиковъ (*βασταγαρίους*) и служителей (*λοιπούς δουλευτὰς τῆς ἀγίας εἰκόνος*) св. иконы. (стр. 681—682).

¹⁾ Описывая святыни, хранившиеся въ концѣ XII в. «во царскихъ златыхъ палатахъ», арх. Антоній говоритъ, между прочимъ,

ственная процессія духовенства его и съ глубокимъ благоговѣніемъ и подобающими почестями (μετ' εὐλαβείας ἀπάσης καὶ τῆς προσῆκουσῆς τιμῆς) привѣтствовала крестный ходъ и чтимую

следующее: „И иныхъ святыхъ мощей много во златыхъ полатахъ цѣловали же есмѧ, и образъ пречистыя Богородицы Одигитріи, юже святый апостоль Лука написаль, иже ходить во градѣ“ (П Савваит Путеш арх Антонія стр. 33, 94—95) Послѣднія подчеркнутыя слова даютъ намъ основаніе думать, что икона Одигитріи постоянно находилась во дворцѣ и отсюда торжественно выносилась всякий разъ, когда совершались съ этой иконою лitanіи по городу въ тотъ или иной монастырь, въ ту или иную церковь. Арх Антоній знаетъ о монастырѣ въ честь Богоматери Одигитріи, но указываетъ тамъ лишь моши св. Спиридона, которые въ въ этомъ «монастыри подъ олтаремъ лежать» (тамъ же стр 112), и ни словомъ не упоминаетъ о пребываніи тамъ занимающей насъ иконы. Нахожденію этой иконы во дворцѣ вполнѣ соответствуютъ и тѣ историческія свѣдѣнія, какія имѣются у насъ объ этой иконѣ, какъ въ описываемое нами время, такъ и въ послѣдующее. Императоръ Ioannъ Комnenъ прямо называетъ икону Одигитріи своею собственностью (τὴν θείαν εἰκόνα τῆς ὑπεράγου Δεσποίνης καὶ Θεοτόκου μοῦ ‘Οδηγητρίας) (стр. 681) и, по свидѣтельству Никиты Хоніата, питалъ къ ней особенное благоговеніе и почтеніе въ теченіе всей своей жизни Съ этой иконою онъ ходилъ въ походъ противъ скиѳовъ и, когда «римскія фланги изнемогали, онъ, ставъ предъ иконою Богоматери (τὴν τῆς Θεομήτρος εἰκόνα) и умоляющимъ видомъ взирая на нея, проливалъ слезы, болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ» (N. Choniat Ioan. Comnen. Genov. 1593 pag 17) и получилъ отъ нее помошь. Послѣ победы надъ персо-армянами, императоръ приказалъ устроить для тріумафа чудную колесницу, «украсить по мѣстамъ даже камнями, хотя и не самыми дорогими», и впрочемъ четыре прекрасныя лошади, щерстью бѣлѣе снѣга. Самъ царь не взошелъ на колесницу, но помѣстилъ на ней икону Богоматери, такъ какъ она была причиною его радости и восторга, отъ которого онъ былъ вѣнчанъ себѣ, и ей, какъ непобѣдимой воеводѣ (ώς αυ-

икону. Послѣ этой встрѣчи, всѣ входили въ храмъ, гдѣ народъ и знаменоносцы (τὰ σίγου καὶ ὁ λαός) произносили сугубое моленіе „о прощеніи и оставленіи прегрѣшеній кти-торовъ“ и пѣлось по 15 разъ „Господи помилуй“ παρ' ἑκάστῳ σίγου. Изъ храма Богоматери литанія направлялась въ им-

стратигею ἀμάχῳ), вмѣстѣ съ нимъ начальствовавшей надъ войскомъ, онъ приписывалъ побѣды. Назначивъ первымъ при себѣ вельможамъ вести за узду лошадей и поручивъ близкимъ роднымъ попеченіе о колесницахъ, онъ самъ пѣшкомъ шелъ впереди, неся крестъ (Αὐθ οελ. 21). Но у позднѣйшихъ нашихъ паломниковъ XIV—XV вѣковъ икона Богоматери Одигитріи указывается уже въ монастырѣ я имени. (Н. Сахар. Сказан. русск. нар., т. II, кн. VIII стр. 52, 61, 72, 101). Не лишнимъ считаемъ при этомъ отмѣтить здѣсь, что у э. чъ паломниковъ монастырь Одигитріи или указывается въ сосѣдствѣ съ Пандократорскимъ монастыремъ, или записывается ими какое-то темное преданіе о пребываніи въ Пандократорскомъ монастырѣ даже самой иконы. Июкъ, напр., Игнатій Смолняиновъ пишетъ слѣдующее объ иконѣ Одигитріи: «Въ 6 (день) поидохомъ къ пресвятѣй Богородицѣ Одигитріа и поклоняющемся целовахомъ, и взяхомъ помиризмо и помазахомъ радостьюю (радоста́умата). И идохомъ въ великий честныи монастырь Пандократоръ» (Прав. Палест. сборн. т. IV, в. III, стр. 8). „Въ Одигитріи, пишетъ современникъ Смолняинова дьякъ Александръ, есть икона святой Богородицы, выносить во всякий вторникъ и творить чудеса, кто съ вѣрою приходитъ и здравіе получаетъ. Писалъ же сюю икону Лука евангелистъ. Нѣкогда были иконоборцы(?), и сохраниша сюю икону въ Пандократоръ монастырь въ стѣнѣ и зажегши кандило предъ нею, 60 лѣтъ не угасло предъ нею“ (Н. Сахаров. Сказ. русск. народа т. II, кн. VIII, стр. 72). Очевидно, въ преданіи народномъ и въ позднѣйшее время хранились отголоски той духовной связи, какая существовала между монастыремъ Пандократора, иконою Божіей Матери Одигитріи и монастыремъ ея имени, и какую установилъ въ анализируемомъ нами Типиконъ императоръ Іоаннъ Комненъ.

ператорскую усыпальницу къ святому гробу (*ἐπὶ τὰ ἑμέτροις θεῖαι τὴν ἀγίαν τάφον*) (стр. 679), гдѣ совершались заупокойное Трисагион или краткая литія и моленіе народа о грѣхахъ ктиторовъ съ пѣніемъ „Господи помилуй“ 30 разъ. Икона Богоматери Одигитріи вносилась внутрь храма Архангела Михаила и помѣщалась вблизи императорскихъ гробницъ (*πλησίον τῶν τάφων ἡμῶν*) (стр. 681), а знамена и прочія иконы или оставались въ храмѣ Богоматери, или даже въ его портикахъ и галлереяхъ, всю ночь освѣщенныхъ кандилами въ фонаряхъ и свѣчами (стр. 678). Мавашествующій клиръ Пандократорскаго монастыря и духовенство храма Богоматери совокупно, въ присутствіи многочисленнаго народа, совершили поминальную агрипнію въ теченіе всей ночи, а на утро служили заупокойную литургію (стр. 681). Полный штатъ клириковъ, не исключая кандилаптовъ или сиротъ, исполняющихъ обязанности писцевъ, и женщинъ—муроносицъ, былъ на лицо за этимъ богослуженіемъ (стр. 678). Не освобождались отъ настоящаго бдѣнія служащіе въ богоугодныхъ заведеніяхъ Пандократорскаго монастыря, больные и старцы, способные къ движенію и находящіеся въ богадѣльнѣ его. Послѣдніе проводятъ ночь въ храмѣ Богоматери и вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ поютъ літію, состоящую изъ тропарей: „Помяни Господи, яко благъ, рабовъ твоихъ“, „Со святыми упокой“ и „Предстательство теплое“, изъ сугубой екtenы съ пѣніемъ „Господи помилуй“ 40 разъ и заключенія: „Богъ да ублажитъ ктиторовъ“ (стр. 685). Храмы Богоматери, съ прилегающими къ нему портиками и галлереями, и Архистратига Михаила были обильно освѣщены, а вокругъ послѣдняго всю ночь горѣли сосуды (*χρατῆρες*) съ елеемъ или поликандилы (стр. 678). Всѣ присутствующіе за богослуженіемъ имѣли въ рукахъ зажженные большие факелы (*μεγάλα φατλα*) или свѣчи. (стр. 685). Послѣ литургіи, богомолъцамъ, въ подкрѣпленіе силь ихъ и какъ поминъ умершихъ, давались коливо, просфоры и вино (тамъ же), а участникамъ въ процессіи, клирикамъ, мо-

нахамъ, служащимъ въ заведеніяхъ, больнымъ и старцамъ—денежныя награды (стр. 681—682, 685 и др.). Затѣмъ, послѣ произнесенія сугубой екtenи обѣ императоръ и пѣнія „Господи помилуй“, крестный ходъ съ иконою Богоматери Одигитріи, въ сопровождениі также многочисленнаго народа, возвращался изъ монастыря обратно. (стр. 681).

Подобныя литаніи и поминальныя бдѣнія должны были совершаться и въ годичныя поминовенія супруги императора Ирины, его самого и его наслѣдника царя Алексѣя, конечно, послѣ смерти этихъ послѣднихъ двухъ. При этомъ императоръ замѣтилъ, что относительно своего поминовенія онъ составилъ особую секретную бумагу (ст. 681).

Помимо этихъ торжественныхъ поминальныхъ службъ на гробахъ императорской фамиліи, клирики храма Богоматери обязаны были здѣсь каждодневно утромъ совершать Трисвятое, а вечеромъ панихиды за ктиторовъ монастыря. (стр. 681).

Кромѣ поминальныхъ дней, праздновались торжественно храмовые праздники и нѣкоторые другие дни церковнаго года. Въ храмѣ Богоматери Милостивой съ одинаковымъ торжествомъ праздновались богородичные праздники успенія Богоматери, введенія во храмъ и рожdestва Богоматери (стр. 680). Въ Пандократорскомъ монастырѣ храмовымъ праздникомъ считался праздникъ Преображенія¹⁾, но, помимо его, по

¹⁾ На праздникъ Преображенія византійскіе императоры совершали торжественные выходы къ вечерни и литургіи въ Пандократорскій монастырь „Κατὰ τὴν τῆς Θείας Μεταμορφώσεως ἐορτήν, говоритъ Куропалата, ἀπέρχεται (ὅ βασιλεὺς) ὡταύτως εἰς τὴν σεβασμίαν μονὴν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Παντοκράτορος“ (B. Niebuhr. Corp. Scriptor. Byzantin. Codin. Curopalat De officiis. Bon. 1839 ap. pag. 81). По Синаксарю, 4 числа августа мѣсяца въ этомъ же монастырѣ праздновали τὰ ἐγκαίνια τοῦ ἐν Κωνσταντινopolει περικαλλοῦς καὶ θείου ναοῦ τῆς βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Τησοῦ Χριστοῦ τοῦ Παντοκράτορος (Νικοδημ. Ἀγιορειτ. Συναξαριστής, τ. γ'. σελ. 222, ἐκδοσ. ὑπὸ Σ. Ραφτάνη ἐν Ζαχυνθ. 1868 ἔτ.).

Типику, положено было праздновать пасхальную недѣлю, Рождество, Богоявление, недѣлю ваїй, Пятидесятницу, Благовѣщеніе, три вышеупомянутые богородичные праздника, Срѣтеніе, память трехъ святителей, св. апостоловъ, св. апостола Филиппа, св. Василія великаго, Григорія Богослова и великій четвергъ (стр. 661—662), когда игуменъ обители совершалъ омовеніе ногъ всѣмъ старцамъ и больнымъ, находящимся въ богадѣльниѣ и въ больницѣ обители (стр. 689, 695).

Бдѣніе (*ἀγρυπνία*) въ эти праздники начиналось также съ вечера и продолжалось чрезъ всю ночь.¹ Совершалось оно обыкновенно полнымъ штатомъ духовенства и съ особенною торжественностью. Уклоненіе отъ присутствія на богослуженіи въ эти праздники наказывалось штрафомъ или лишеніемъ прибавочного жалованья (стр. 680). Торжественность богослуженія, кромѣ того, выражалась въ обильномъ освѣченіи (φωταφіа) храмовъ, нарековъ и галлерей посредствомъ поликандиль съ большими свѣчами (стр. 677—678, 661), въ воскурѣніи єими, *ксилалоя* (*ξυλαλόη*)¹), въ употребленіи розовой воды (*ροδοστάγματα*), которую поливали руки и лица молящихся (стр. 661), и въ приглашеніи для пѣнія (*χάριν φαλιφθίας*) голосистыхъ пѣвцовъ со стороны (стр. 680), чтобы они пре-

¹) Употребление *ксилалоя* (*aloë syriana* или *asphalta*), какъ смолистаго вещества съ весьма приятнымъ запахомъ, при богослуженіи византійской церкви, было довольно распространеннымъ обычаемъ. Архіепископъ новгородскій Антоній даетъ намъ любопытную картину его воскуренія въ Софійскомъ храмѣ. «Церковь мощена краснымъ мраморомъ, описываетъ онъ этотъ храмъ, а подъ нею доплеко, и подходяще человѣцы, и учинено сквозь мраморъ проходи. И егда видеть царь во церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много *ксилолоя* *темъяна* и *кладутъ не узле*, и *исходитъ воня проходы тьми во церковь на воздухъ, и наполнится благоуханія вся церковь*» (П. Савваит. Путеш. Антонія въ Царградъ стр. 93—94).

краснымъ исполненіемъ церковныѣ мелодій доставили эстетическое наслажденіе молящимся, собиравшимся во множествѣ на духовное торжество въ храмы обители. Императоръ, однако, строго возбранилъ монахамъ Пандократорскаго монастыря посѣщенія чужихъ монастырей и мірскихъ церквей съ подобною же цѣлью и называетъ ихъ вредными и позорными (стр. 672). Въ праздники совершалась артокласія, молящимся раздавались вино и коливо (стр. 685), а у воротъ обители хлѣбъ и деньги бѣднякамъ (стр. 661—662). Клирики храма Богоматери и приглашенные къ участію въ богослуженіи получали добавочные деньги и хлѣбное жалованье, сверхъ положенныхъ по штату (стр. 679—680); не лишались въ эти дни наградъ и служащіе и находящіеся въ монастырскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ (стр. 685).

Порядокъ устройства внутренней монастырской жизни въ Пандократорской обители былъ установленъ императоромъ на началахъ строгаго общежитія (*κοινωνία*). Признавъ монастырь вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ властей церковной и гражданской (*μὴ ὑπὸ ἐκκλησιαστικὴν ἀρχήν, μὴ ὑπὸ ἀνακτορικὴν ἐξουσίαν, μὴ ὑφ ἑτέραν ἀρχοντικὴν ἐξουσίαν τασσομένη, μόνη τῶν ἑαυτῆς ἀντιποιουμένη*) въ распоряженіи всѣмъ, что принадлежить монастырю тѣлеснаго и безтѣлеснаго (*δίκαια σωματικὰ η ἀσώματα*), императоръ во главѣ его представилъ игумена (стр. 700, 696, 672), который избирался изъ всего наличнаго состава братства не только кириархическаго Пандократорскаго монастыря, но даже и изъ среды братства подчиненныхъ ему монастырей и его многочисленныхъ метоховъ. Въ виду могущихъ быть среди братства разногласій относительно достойнаго кандидата, по волѣ императора, здравствующій игуменъ обители избиралъ трехъ кандидатовъ, имена коихъ, въ присутствіи всѣхъ монаховъ, писались на бумажкахъ, которые потомъ запечатывались и полагались въ скево-филакію. Имена избранныхъ кандидатовъ никому изъ братій не были известны. По смерти игумена, всѣ братія собираются

въ одно мѣсто и предъ ними вскрываются запечатанныя бумажки съ именами кандидатовъ. Если всѣ братія остановятъ свой выборъ на одномъ лицѣ изъ этихъ трехъ кандидатовъ, то это лицо и поставляется въ игумена, но если происходитъ разногласіе относительно личности достойнѣйшаго на осиротѣвшій тронъ, то всѣ братія сходятся въ главный монастырь для усердной и слезной молитвы къ Богу о томъ, чтобы Онъ указалъ достойнѣйшаго править обителю. Въ этомъ случаѣ имена кандидатовъ пишутся на трехъ бумажкахъ, которые полагаются въ алтарѣ на престолѣ подъ священными его покрывалами. Всѣ братія въ теченіи трехъ дней совершаютъ панихиды или бдѣнія, вечерни и литургіи. На третій день, послѣ литургіи, посыпается въ алтарь неграмотный¹⁾ монахъ (*γράμματα μὴ εἰδός*), который беретъ съ престола одну изъ трехъ бумажекъ, и имя кандидата, прочитанное вслухъ всего братства на бумажкѣ, решаетъ споръ братства. Этотъ кандидатъ считается избранникомъ Божіимъ. Можетъ, однако, случиться, что изъ числа братства окажется человѣкъ, который, хотя и не попалъ въ число трехъ кандидатовъ на игуменскій тронъ, но на самомъ дѣлѣ болѣе другихъ достойный этого сана, и за котораго подадутъ голосъ двѣ части (*τὸ διπλάσιον μέρος*) всего наличнаго состава братства, то такого возродятъ на игуменство безъ всякаго избранія. Послѣ акта избранія немедленно совершается хиротонія въ игумена за литургію, которая служится, съ разрешеніемъ патріарха (*διὰ πιτταχίου πατριαρχικοῦ*), однимъ изъ приглашенныхъ пребывающихъ въ Константинополѣ архіереевъ. Новопоставленный, какъ знакъ своей власти, получалъ отъ иконы Пандократора игуменскій жезль. (стр. 673—675).

Игуменъ былъ главою монастыря, полновластнымъ господиномъ въ управлѣніи имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ от-

¹⁾ Въ монастырѣ Михаила Атталата въ этомъ случаѣ посыпался въ алтарь невинный младенецъ (*παιδίον ἀγαθὸν καὶ ἄκακον*) Miklos. et Muller. Acta et diplomata monasterior. t. II pag. 310.

цемъ, которому доступны были всѣ внутреннія помышленія подчиненныхъ ему собратій. Каждый иночъ обязанъ былъ открывать всѣ свои думы и внутреннія движенія сердца игумену и получать отъ него необходимое духовное врачеваніе. Не возбранялось, впрочемъ, братіи имѣть духовника и помимо игумена, но изъ среды своего братства и непремѣнно почтенного старца, опытного въ духовной жизни и получившаго право исповѣдывать братію чрезъ архіерейскую грамоту (*διὰ τῆς ἀρχιερατικῆς σφραγίδος*) (стр. 672—673). Но не смотря на обширныя полномочія, какими былъ надѣленъ императоромъ игумент Пандократорскаго монастыря, въ дѣлахъ, касающихся монастыря, онъ, однако, ничего не предпринималъ безъ совѣта съ представительными старцами. (стр. 696). Совѣтъ старцевъ при игуменѣ состоялъ изъ эконома, екклесіарха, хартофилакса (стр. 700, 671), носокома (завѣдающаго больницей), ксено доха (начальника гостинницы), дохіарнаго (завѣдающаго вещевымъ складомъ) и оріарія (начальника хлѣбныхъ складовъ) (стр. 696, 671), а также изъ экономовъ всѣхъ подчиненныхъ Пандократорскому монастырю обителей въ другихъ мѣстахъ города и внѣ его (стр. 696). Въ свою очередь и эти представительные старцы не имѣли права ничего дѣлать безъ воли и совѣта съ игуменомъ обители (тамъ же). Въ исключительныхъ случаяхъ и требовавшихъ особенного вниманія, по уставу императора, допускались въ этотъ совѣтъ великий друнгарій Никифоръ, протонотарій Никомидійскій Константинъ и доводилось до свѣдѣнія патріарха черезъ особое извѣщеніе (стр. 700).

Игумень пользуется полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ, которые должны были оказывать ему братія во всякое время и на всякомъ мѣстѣ (стр. 670). Какъ несущій на себѣ сложныя и многоразличныя обязанности, игумень на общебратской трапезѣ ёлъ особенный для него испеченный хлѣбъ (*ἡμερέσιον ἀφράτον*), пилъ лучшее вино и въ дни, когда братія вкушали рыбу, имѣлъ дисертъ (*όφωνιον*) (стр. 675). Въ случаѣ отсутствія или смерти игумена, его мѣсто заступалъ экономъ.

Такъ какъ въ монастырѣ образъ жизни монаховъ былъ строго киновіальный, то братія получали полное содержаніе отъ монастыря. Каждому монаху полагалось выдавать на годъ двѣ рубахи, двѣ пары башмаковъ (*χαλίγια Σούγας δύο*) и одинъ хлопчатобумажный иматій (*ἱμάτιον Θαυμάχηρόν*), заключающій въ себѣ четыре литра хлопчатой бумаги. Кроме того, они получали на два года одну мантію и одинъ нагрудникъ (*έπιστήθιον*) (стр. 673). Относительно пищевого продовольствія въ уставѣ даются самые подробныя наставленія, изъ коихъ видно, что столъ монаховъ состоялъ болѣшею частію изъ трехъ блюдъ. Въ праздничные и скоромные дни имъ подавались рыба, яйца и сыръ, а въ постные—черепокожные, разнаго рода овощи и злаки съ елеемъ. Въ праздники пили вино, а въ постные дни смѣшаніе съ тминомъ (*εὑρατον διὰ κυμίνου*) (стр. 668—670). Въ большіе праздники полагался десертъ и для братіи (стр. 661).

Обѣдъ въ обители происходилъ непосредственно послѣ литургіи. Получивъ антидоръ (*εὐλογία*), послѣ троекратнаго удара въ древо, братія направлялись въ трапезу съ пѣніемъ псалма: „Вознесу Тя, Боже мой“. Священникъ, совершившій литургію, шелъ впереди всѣхъ монаховъ и, занявъ мѣсто выше остальныхъ на правой сторонѣ стола; про себя произносилъ молитву: „Господи Боже мой, небесный и животворящій хлѣбъ, истинная пища всего міра, направляющій настоящую нашу жизнь и обѣщавшій намъ причастіе будущей, Самъ благослови пищу нашу и питье и сподоби неосужденно причастися ихъ насть, славящихъ и благодарящихъ Подателя всѣхъ благихъ даровъ“, послѣ которой, дѣлая крестъ надъ столомъ, заключалъ возгласомъ: „Яко благословися и прославися всечестное имя Твое“. Братія отвѣчаютъ: „Аминь“. Послѣ того, какъ садеть на свое мѣсто, во главѣ стола, игуменъ, садится за столъ и братія. Священникъ, стоя, возглашаетъ: „Благословенъ Богъ“, и чтецъ на каѳедрѣ начинаетъ чтеніе. Когда будетъ поставлено на столъ первое кушанье, трапезарь

(ό τῆς τрапέζης διαχονητής) произносить: „Господи помилуй, помолися“. Священникъ благословляетъ принесенную пищу. Игумень начинаетъ вкушать первымъ, а за нимъ и прочие братія. Во время первого кушанья разливается по стаканамъ вино или же теплое питье. Послѣ того, какъ всѣ окончать первое блюдо, игумень небольшимъ деревяннымъ молоткомъ (*ξυλίνη σφύρα μικρά*) ударяетъ по концу стола три раза. При первомъ ударѣ, братія встаютъ, испрашиваютъ общее благословеніе у игумена и садятся снова на свои мѣста, послѣ чего уже каждый благословляетъ свое питье только знаменіемъ креста. Въ отсутствіи игумена, замѣняетъ его экономъ, а когда не бываетъ послѣдняго, то дѣлаетъ тоже очередной священникъ. Благословеніе священника требовалось и для второго кушанья (*о δεύτερος μίσθος*) и третьаго, если оно полагалось. Съ дозвolenія игумена, въ праздничные дни, при обиліи яствъ (*παραχλήσεως οὖσης*), полагалось вычищать и еще нѣсколько красовуль. По окончаніи стола, трапезарь приносить двѣ корзины: одну для кусковъ, а другую для ложекъ. Игумень и братія съ стихомъ: „Благословенъ Богъ, питай насть“ бросаютъ куски хлѣба въ корзину и читаютъ молитву: „Господи Боже нашъ, умножи избытки рабовъ твоихъ и насть помилуй, яко святъ еси нынѣ и присно и во вѣки“. Трапезарь, по знаку игумена, начертываетъ корзину съ остатками кресть и произноситъ: „Великое имя“. Братія отвѣчаютъ: „Святая и единосущная и животворящія Троица“. Потомъ игумень благословляетъ всѣхъ, а трапезарь вмѣстѣ съ братію поютъ: „Милостивый и щедрый Господь“, послѣ чего читаются 121 и 83 псалмы, произносится благодарственная молитва священникомъ, и всѣ расходятся по келлямъ.

За первою трапезою слѣдовала вторая для прислуживавшихъ за столомъ и для бывшихъ на послушаніяхъ. Никто изъ монаховъ не имѣлъ права брать пищу или что либо изъ съѣдобнаго въ свою келлю (стр. 665—666).

Ужинъ следовалъ непосредственно послѣ вечерни. Монахи входили въ трапезу, послѣ троекратнаго удара въ древо, съ пѣніемъ стиха: „Ядять убозіи и насытятся“ и, по благословеніи священникомъ трапезы, садились за столъ. Ужинъ состоялъ изъ хлѣба, капусты, плодовъ, смотря по времени года, и вина. Порядокъ во время ужина соблюдался тотъ же самый, какой описанъ на обѣдѣ. Послѣ ужина приносилась корзина для укруховъ съ словами: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу“, на что братія въ одинъ голосъ (*συνημένως*) говорили трижды „Господи помилуй“ и заключали словами: „Господи благослови“. Игуменъ читалъ молитву: „Христе Боже, умножи укрухи рабовъ твоихъ“ и благословлялъ укрухи. Трапезарь поднималъ корзину и, начертывая ею на игуменскомъ мѣстѣ (*πρὸς τῷ ἀκρῷ τῆς τραπέζης*) за столомъ крестъ, произносилъ громогласно: „Пресвятая Богородица, помогай намъ“ и затѣмъ читалъ стихъ: „Возвеселиль ны еси, Господи, въ творевіи твоемъ“¹⁾). Игуменъ говорилъ заключительный стихъ и давалъ благословеніе екклесіарху ударять къ повечерію. (стр. 667).

Столъ для больныхъ монаховъ отличался иными качествами (*ἄρτῳ καθαρῷ, οἴνῳ καλλιστῷ*) и въ немъ допускались, по усмотрѣнію игумена, отступленія отъ принятаго въ монастырѣ режима. Въ собственной келліи больной монахъ имѣлъ тщательный уходъ со стороны здоровыхъ братій. Въ случаѣ тяжкой болѣзни, больной помѣщался въ особой больничной палатѣ (*τῷ τρικλίνῳ τῷν υσοχομοιμένων*) и пользовался услугами врача, приглашенного изъ страннопріимницы, и медикаментами аптеки ея. По нуждѣ, врачъ даже ночевалъ вмѣстѣ съ больнымъ, а поэтому въ палатѣ (*τρικλίνῳ*), кромѣ шести

¹⁾ Описанный нами чинъ дневной и вечерней трапезы, за весьма незначительными особенностями, сходенъ съ подобнымъ чиномъ въ уставѣ патріарха константинопольскаго Алексія. Реп. М. Синод. библ. № 330 (380) л. 197—200.

кроватей съ полными приборами для больныхъ, стояла еще особая кровать для врача. По требованію врачей, къ услугамъ больныхъ во всякое время была готова хорошо обставлена вся мебель необходимымъ монастырская баня (*λουτρόν*), въ которой могли мыться они сразу въ количествѣ шести человѣкъ, тогда какъ здоровые¹⁾ монахи были лишены этого удовольствія въ теченіе всего великаго поста (стр. 666—667, 670).

Устроая свой монастырь съ строго-киновіальнымъ образомъ жизни, императоръ требуетъ отъ монаховъ его неукоснительного пребыванія на молитвахъ (*ἐν ταῖς προσευχαῖς προσεδρίᾳ ἀπεριστάστοι*), а поэтому рекомендуетъ имъ постоянно пребывать внутри монастыря, выходить не иначе, какъ по нуждѣ и съ благословенія всякой разъ игумена, къ вечеру непремѣнно возвращаться въ обитель, не посещать торжественныхъ богослуженій, внѣ монастыря, не избирать духовниковъ немонастырскихъ и т. д. (стр. 670, 672—673). Чтобы удалить отъ соблазновъ монаховъ, императоръ возбраняетъ входъ въ монастырь женщинамъ, хотя бы послѣднія были изъ знатнаго рода и безпорочной жизни, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда послѣднія приходили въ монастырь для поминокъ или похоронъ своихъ родственниковъ монаховъ (стр. 671), требуется, чтобы никто изъ мірянъ не принимался для услугъ внутри монастыря, не дозволяя въ тоже время посыпать монаховъ для работы въ метохи, внѣ обители (стр. 672, 696). Не удивительно по этому, что отъ вступающихъ въ число иноковъ Пандократорскаго монастыря требовался тяжелый (*μετὰ ἀχριβοῦς ἐξετάσεως*) искусъ или испытаніе и богатство (*περιουσίου τῆς ἀρετῆς* всякихъ добродѣтелей). Изъ другаго монастыря безъ свидѣтельства его игумена никто не принимался (стр. 670).

¹⁾ Здоровые монахи, по уставу Іоанна Комнена, мылись въ банѣ два раза въ мѣсяцъ, а въ посты рождественскій и филиппопольский одинъ разъ въ мѣсяцъ (стр. 670).

Императоръ Иоаннъ Комненъ, однако, хорошо сознавалъ, что не для всякаго монаха пригоденъ строго общежительный монастырскій режимъ, а посему въ подчиненныхъ Пандократорскому монастырю обителяхъ, находящихся въ городѣ и внѣ его, допустилъ для иноковъ, иной образъ жизни, устроивъ штаты иначе чѣмъ въ главномъ монастырѣ. Такими подчиненными монастырами Пандократорскому монастырю считались: обитель Носсіевъ (Νοσσιῶν), Монокастана (τῆς Μονοκαστάου), Анемія (τῶν Ἀνθεμίου), по ту сторону, противъ города, обитель Мидикарія (τοῦ Μηδικαρίου), Галакринонъ (τῶν Γαλακρηγῶν) и Сатира (τοῦ Σατύρου). Изъ этихъ монастырей лишь обитель Носсіевъ имѣла киновіальное, по образцу Пандократорского монастыря, устройство, а остальные—келліотское, и братія ихъ дѣлились на живущихъ внутри монастырей и внѣ ихъ (ἐσωμοῦται καὶ ἐξωμοῦται). Монастырь Сатира одинъ былъ подчиненъ вѣдѣнію патріарха. Императоръ во всѣхъ этихъ монастыряхъ учредилъ штаты, по которымъ въ монастырѣ Носсіевъ положено было 12 монаховъ и 6 слугъ, въ монастырѣ Монокастана 16 келліотовъ, но непремѣнно живущихъ внутри монастыря, согласно уставу, уже выработанному ими прежде; монаховъ келліотовъ на тѣхъ же правахъ жило 12 въ монастырѣ Анемія, 6 въ монастырѣ Мидикарія, 6 въ монастырѣ Галакринонъ и 18 въ монастырѣ Сатира. Всѣ эти монастыри обязаны были подчиняться игумену главнаго монастыря, но управлялись особыми экономами. Остатки доходовъ эти обители доставляли главному монастырю, но въ случаѣ недостатка въ чёмъ нибудь обращались къ послѣднему за помощью и находили у него полное удовлетвореніе (стр. 675—676).

Но едвали не самыми любопытными для историка страницами анализируемаго Типикона нужно признать тѣ, на которыхъ весьма обстоятельно описываются устроенные императоромъ при монастырѣ страннопріимница съ больницею, домъ призрѣнія для стариковъ и психіатрическая лечебница. Эти

страницы рисуютъ намъ самыми привлекательными чертами филантропическое значеніе древнихъ византійскихъ монастырей¹⁾.

Страннопріимница (*Ξενών*) съ больницею была устроена на 50 кроватей для постоянно находящихся въ ней больныхъ (*ἀνακεκλιμένους ἀρρώστους*), изъ коихъ 10 кроватей предназначались для страдающихъ ранами и получившихъ поврежденія, 8 кроватей—для больныхъ глазами, желудкомъ и иѣкоторыми другими острыми болѣзнями, 12 для больныхъ женщинъ, а остальная были предоставлены страждущимъ обыкновенными болѣзнями. Если количество больныхъ ранами, или глазами, или другими острыми болѣзнями не превышаетъ нормы, и остаются мѣста свободными, то они занимаются обыкновенными больными. Каждая кровать должна имѣть коверчикъ (*τάπειον*), войлочный тюфякъ (*πιλωτόν*) съ подушкою одѣяло (*έφαπλον*), а для зимы два лооникія (*δύο λοονίχια*). Всѣ эти кровати распредѣляются между пятью отдѣленіями, при чмъ въ каждомъ отдѣленіи положено было еще по одной сверхъ-комплектной кровати (*παρχράββατον*) на случай, еслибы всѣ мѣста въ больницѣ были заняты и настала необходимость принять больного по крайности его болѣзни (*διὰ τὸ κατεπεῖγον τῆς νόσου*). Сверхъ упомянутаго числа кроватей, при больницѣ существовало отдѣленіе на шесть кроватей съ тюфяками, имѣющими по срединѣ отверстія, для больныхъ, неспособныхъ двигаться или по причинѣ остроты и тяжести болѣзни,

¹⁾ Нужно полагать, что императоръ Иоаннъ Комненъ въ этомъ отношеніи подражалъ своимъ царственнымъ предшественникамъ. На основаніи свидѣтельствъ византійскихъ историковъ, подобная филантропическая учрежденія съ такимъ же благоустройствомъ существовали и при другихъ знаменитыхъ монастыряхъ Константиноцоля, напр., при монастыряхъ св. Георгія въ Мангнахъ, Перивлента и др. Н. Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI в. Спб 1884 стр 429—431.

или, чаще, по причинѣ тяжелыхъ ранъ. Для больныхъ вообще и страдающихъ тяжкими болѣзнями, въ частности, имѣлись при больницахъ постоянно до 15 или 20 сорочекъ и верхнихъ одеждъ (*ιμάτια*), въ которыхъ переодѣваютъ больныхъ, по ихъ поступлениі въ больницу, собственное же бѣлье и одежды ихъ моютъ и выдаютъ по выздоровленіи, при выходѣ изъ больницы. Негодное спальное бѣлье и остальная одежда ежегодно перемѣняются, тюфяки и подушки починяются, шерстяное (*μαλλίον*) расчесывается, разорванныя простыни перемѣняются и снова шиваются для дальнѣйшаго употребленія. Перемѣняемая одежда и постельное бѣлье, если годны къ употребленію, берегутся завѣдывающимъ больницею для больныхъ, а негодное раздается бѣднымъ (стр. 682).

На каждое изъ пяти отдѣленій въ больницахъ полагалось два врача, три штатныхъ фельдшера (*ὑπουργοὶ ἔμβαθμοι*), два сверхштатныхъ (*περιστοὶ ὑπουργοὶ*) и два служителя (*ὑπηρέται*). Женскимъ отдѣленіемъ завѣдывали два врача, одна акушерка (*ἰάτραινα*), четыре фельдшерицы штатные (*ὑπούργισσαι ἔμβαθμοι*), двѣ сверхштатные и двѣ прислуги. Ночью при больныхъ дежурили четыре фельдшера и одна фельдшерица, т. е. по одному лицу въ каждомъ отдѣленіи. Назывались эти дежурные экскювиторами (*ἐξκοινήτορες*). Изъ положенныхъ, по штату, въ пяти отдѣленіяхъ врачей два первые называются *протоми-нитами* (*πρωτομηνῆται*), два слѣдующихъ за ними *примики-ріями* (*πριμικήριοι*), два помощниками (*օπτίουες*) ихъ и одинъ учителемъ врачебного искусства. Для приходящихъ больныхъ (*λόγῳ τῶν ἐξωθεν ἐρχομένων ἀρρώστων*) были назначены четыре сверхштатныхъ врача, изъ коихъ два по внутреннимъ болѣзнямъ (*δικιτηκοὶ*) и два хирурга (*τραυματικοὶ*). Врачи хирурги приглашались и въ женскую палату (*εἰς τὸ γυναικεῖον*), когда кто либо изъ женщинъ нуждался въ ихъ помощи. Четыремъ врачамъ для приходящихъ больныхъ полагалось имѣть четырехъ штатныхъ фельдшеровъ, четырехъ сверхштатныхъ, изъ коихъ двое посменно дежурили по мѣсяцу въ монастырской больнице.

Всѣ врачи дѣлились на двѣ смѣны: одна половина ихъ отправляла свои обязанности одинъ мѣсяцъ, а другая половина слѣдующій. Подобнымъ образомъ исполняли свою должностъ два протоминита и два приммикирія. Протоминиты посѣщаются больницу отъ начала мая до праздника Воздвиженія, непремѣнно каждый день послѣ утренняго псалмопѣнія, при чемъ съ тщательнымъ вниманіемъ освѣдомляются о болѣзни каждого, приписываютъ нужные лекарства и дѣлаютъ необходимыя распоряженія относительно всѣхъ больныхъ. Въ свою очередь и каждый изъ приммикиріевъ обходитъ также ежедневно всѣ постели, разспрашиваетъ со вниманіемъ и заботливостію каждого больного о томъ, какъ онъ лечится, съ подобающимъ ли усердіемъ и стараніемъ прислуживаютъ ему лица, на то назначенные, и старается дурное исправлять, нерадивому дѣляетъ замѣчанія, и немедленно удаляетъ все то, что совершается вопреки долга. Онъ с. отрицъ также за хлѣбомъ для больныхъ и за всѣмъ, что положено имъ выдавать ежедневно. Въ виду этого старшіе врачи, по Типику, и не должны имѣть на рукахъ своихъ отдѣленій, такъ какъ одного этого наблюденія имъ достаточно, вместо всякаго дѣла (стр. 683).

Если изъ приходящихъ больныхъ окажется кто либо серьезно больнымъ, то врачъ, назначенный для приема такихъ, объявляетъ о немъ приммикирію, по приказанію кого-то, приглашается къ больному другой врачъ, болѣе искусный, чѣмъ остальные (*ο τῶν λόιπῶν ἡμπειρότερος*). Послѣдній, послѣ тщательнаго диагноза, приписываетъ необходимое лекарство. Изъ числа штатныхъ врачей избирались завѣдующій больницей (*υσοχόμος*) и старшій (*ο μεγότερος*). Имъ вмѣнялось въ обязанность имѣть все необходимое для больницы въ достаточномъ количествѣ и щедро издерживать не только для находящихся въ больницѣ, но и для приходящихъ больныхъ.

Въ виду тѣхъ заботъ и многотрудныхъ обязанностей, какія возложены были императоромъ на врачей больницы и

служащихъ при ней, признано было необходимымъ пополнить штаты (*ταγματα τῶν ἰατρῶν*) врачей, фельдшеровъ и прочихъ служителей слѣдующими лицами въ такомъ количествѣ: начальникъ аптеки (*ἐπιστήχων τοῦ ποιμέντου*) одинъ, штатныхъ аптекарей (*πημευτάριοι*) три, сверхштатныхъ два, одинъ швейцарь (*օστιάριος*), пять прачекъ (*σαπωνίστραι*), одинъ котельщикъ (*λεβητάριος*), два повара (*μάγειροι*), одинъ конюхъ (*στράτωρ*), ухаживающій за мелничными животными и лошадями врачей, во время ихъ визитовъ, привратникъ (*πυλωρός*), второй хлѣбникъ (*όφωνιάτωρ*), два священника при больничной церкви, изъ коихъ одинъ, въ силу архиерейской грамоты, имѣлъ право исповѣдывать больныхъ, два чтеца, двѣ булочницы (*μαγικῆπησσαι*), четыре гробокопателя (*υεκροδάπται*), одинъ священникъ (*ἱερεὺς τῆς κηδείας*) для совершенія погребенія, одинъ наблюдающій за каналами (*καναλοπλύτης*) и одинъ мельникъ (*μυλοχαράκτης*) (стр. 684).

Сверхъ указанного выше числа врачей, Типиконъ предписываетъ имѣть еще двухъ особыхъ сверхштатныхъ врачей (*δύο ἰατροὺς περισσούς*) для больницы внутри монастыря, въ которой лечились только больные монахи. Врачи эти избирались изъ сверхштатныхъ, положенныхъ по уставу (*ἀπὸ τῶν ἐμβαθμιωτέρων περισσῶν*), и исполняли свои обязанности въ обители, чередуясь помѣсячно. Служба въ монастырской больнице была для нихъ переходною ступенью для полученія высшей штатной должности и большаго оклада жалованья при страннопріимной больнице. Сначала исполняли эти обязанности врачи женского отдѣленія, а потомъ сверхштатные врачи другихъ отдѣленій по порядку и старшинству (*καὶ ἐν τοῖς ἑξῆς κατὰ προκοπήν*). Лекарства, _пластыри, разнаго рода вспомогательныя средства и другіе необходимые для больныхъ предметы въ больницу монастыря доставлялись изъ больницы страннопріимницы. Въ виду этого, чтобы не имѣть никогда отказа, императоръ приказалъ выдавать ежегодно за вѣдущему больницею, сверхъ положенныхъ суммъ на больницу, еще 20 монетъ иперцирь (стр. 686).

На содержаніе пятидесяти человѣкъ больныхъ, четырехъ фельдшеровъ-экскувиторовъ, четырехъ служителей¹⁾, одной фельдшицы, одной прислуги и котельщика выдавалось ежедневно по одному чистому хлѣбу въсомъ въ $\frac{1}{12}$ части²⁾ морскаго модія на каждого, на приварокъ ($\delta\pi\epsilon\rho$ προσφαγίου) всѣмъ вообще отпускался одинъ морской модій бобовъ ($\varphi\alpha\beta\alpha\tau\sigma$ φάβατος) и другого сорта бобовъ ($\delta\sigma\tau\rho\epsilon\iota\omega$ δστρίου) такой же модій. Если есть горохъ ($\pi\iota\sigma\tau\sigma$ πιστός), то онъ выдавался въ двойномъ количествѣ ($\delta\iota\mu\alpha\rho\omega$ δίμαρον). На два блюда для приправы полагалось 100 головокъ луку ($\chi\rho\mu\mu\alpha$ χρόμμα) и достаточное количество (то $\alpha\rho\chi\omega$ ἀρχῶν) елея. Иногда одинъ сортъ бобовъ замѣнялся зеленою или капустою ($\lambda\acute{\alpha}\chi\alpha\mu\alpha$ λάχανα). На вино и десертъ каждому больному ежедневно выдавалось по одному аспру ($\alpha\gamma\alpha\tau\chi\omega$ αγάτραχω νόμισμα ἔν), а въ праздники нѣсколько больше. Въ воскресеніе каждый больной получалъ на мыло для бани по три фоллія ($\phi\acute{\alpha}\ll\epsilon\iota\zeta\tau\epsilon\iota\zeta$ φόλλεις τρεῖς) или овала (ст. 685—686), въ субботу, въ качествѣ помина по ктиторамъ отители, по одному аспру (стр. 685), въ великий четвертокъ, при омовеніи игуменомъ ногъ всѣхъ больныхъ, по одной трикефальной монетѣ (стр. 689) и въ храмовые праздники по одному трахею или аспру (стр. 685).

Что касается годичнаго содержанія больницы вообще, то оно было опредѣлено въ Типикѣ самимъ точнымъ образомъ до мелочей. Елей для приготовленія пластырей и другихъ лекарствъ, для освѣщенія храмовъ и жилыхъ помѣщеній больницы, а равно коридоровъ, отхожихъ мѣсть, помѣщеній для врачей ($\varepsilon\iota\zeta\tau\mu\chi\omega$ εἰς τὴν καθέδραν τῶν Ἰατρῶν) и для всего прочаго завѣдующему больницею отпускался въ количествѣ 69 мор-

¹⁾ Служители исполняли свои обязанности поденно, по четыре человѣка каждый день, или по два на каждое отдѣленіе (стр. 687).

²⁾ Около $2\frac{1}{3}$ фунта на нашъ вѣсъ, такъ какъ цѣльный модій равняется нашимъ 40 фунтамъ.

скихъ метровъ, изъ коихъ два метра было старого елея и два новаго (*όμφακίνου*), медъ для лекарственныхъ надобностей и для сыты (*σὺ τοῖς χυλαρίοις*), которую пили во время праздника Преображенія и первого ноября, когда праздновалась память св. Безсребренниковъ,—въ количествѣ 50 морскихъ метровъ, уксусъ на разныя надобности—въ количествѣ 40 метровъ и горючай дровяной материалъ (*ξυλίνης καυσίμης*) для приготовленія кушаній, лекарствъ, соковъ и колива—въ количествѣ 20 писъ. На покупку ладану и чистаго воску для церквей въ количествѣ 100 літръ опредѣлено было выдавать ежегодно двѣ иперпиры, на благовонное вино (*οίναυθίου*)—три богородичныя монеты (*θεοτοχία*), на покупку чашекъ, тарелокъ—10 аспръ, хирургическихъ инструментовъ (*ὑπὲρ φυχοκαυστήρων*)—двѣ богородичныя монеты, на пріобрѣтеніе кандилъ—одну богородичную монету, семидала ежемѣсячно въ количествѣ пяти монастырскихъ модіевъ, сахару на цѣлый годъ въ количествѣ 100 двойныхъ літръ (*Συγκάςλιτρας*), трехъ боченковъ (*βουτία*) винограду, двухъ боченковъ гранатовыхъ яблокъ (*ροιῶν*), четырехъ боченковъ соку изъ дикаго винограду (*σταφυλοζώμου ἀγριοσταφυλῶν*) для питья во время названныхъ двухъ праздниковъ, ячменя въ количествѣ четырехъ морскихъ модіевъ для приготовленія по одному сладкому ячменному хлѣбцу на каждый день, на покупку свѣчей больнымъ, врачамъ и прочимъ служащимъ при больницѣ въ недѣлю вай и въ страстную седмицу —по двѣ иперпиры, для заготовки различныхъ лекарствъ, вспомогательныхъ средствъ, пластырей (*έμπλαστρων*) и прочаго, не включая сюда ядовитыя лекарственные вещества (*ἄνευ τῆς θηριαχῆς καὶ τῆς μιθριδάτης*), въ началѣ лѣта выдавалось двѣ иперпиры, для двухъ церквей больницы—въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ на просфоры отпускалось 10 морскихъ модіевъ хлѣба и вина 10 морскихъ метровъ. Но этимъ не ограничивалось содержаніе больницы при странно-пріимницѣ. Вторымъ послѣ носокома завѣдывающимъ лицемъ въ больнице былъ старший (*ὁ μειζότερος*), который исполнялъ

и обязанности келаря. Ему на содержание той же больницы отпускалось 36 морскихъ метровъ елея, изъ которыхъ онъ выдавалъ ежедневно на приправу двухъ кушаний (μίσθιος) для больныхъ, для теплыхъ ваннъ (λόγῳ τῶν πυριῶν), клистировъ (τῶν κλιστήρων) и для всего другаго необходимаго въ больницѣ,—меду для жидкихъ мазей, пластырей и прочаго—50 морскихъ метровъ и 48 морскихъ метровъ въ пищу, уксусу—30 такихъ же метровъ, вина для винограднаго клею, теплыхъ ваннъ и повязокъ (χαταπλασμάτων)—36 метровъ, горчицы (λινοκόκκου) 30 модіевъ¹), соли 30 модіевъ, рису 8 модіевъ, полбы (ζεῖς) 8 модіевъ, миндалю 18 модіевъ, на покупку мастики, смирны, ладану, аммоніака и прочихъ простыхъ лекарственныхъ веществъ, сверхъ того финиковъ, сливъ, яицъ, корпіи (στυπτέων) и прочаго каждый мѣсяцъ—по три иперпиры, на приобрѣтеніе ежегодно манной крупы (χατασтатоū) и студня (τρεμούσης) въ количествѣ трехъ модіевъ, свеклы и другихъ необходимыхъ припасовъ для соленія—одну иперпирную монету, на два постоянно кипящіе въ больнице котла—большой и малый вмѣстѣ съ кухнею ежемѣсячно выдается ему дровъ 40 морскихъ писсъ. Помимо всего этого, старшій получаетъ каждый мѣсяцъ одну колоду для луцины (δαδίον κορμίον ἔν), 12 монастырскихъ модіевъ ячменя для ячменного бульона (ὑπὲρ χυλοῦ πτισάνης), для сухихъ ваннъ (τῶν ξηρῶν πυριῶν), для ячменной муки, ячменной крупы и прочаго, одинъ такой же модій пшеничной муки, полмодія муки изъ бобовъ (φαβατίου ἀλεύρου), полмодія гороху, чечевицы, проса и четверть модія гороховой муки (όροβίου); на покупку козьяго и свиного сала, гусинаго жиру, оленыаго мозгу и тому подобнаго выдается старшему одна иперпира, на покупку двухъ модіевъ маринованныхъ маслинъ цѣльныхъ и битыхъ (ὑπὲρ ἐλαιῶν κολυμβάδων καὶ θλαστῶν), 4 модіевъ

¹) Счетъ всего идеть на монастырскіе метры или модіи (стр. 688).

изюму, 12 модіевъ смоквъ, 50 літръ розової воды, пуху для подушекъ (*ὑπὲρ κλοκίου τρούλλων*), наволочекъ (*φρακιστρών*), посуды (*τζυχαλίου*), табуретовъ (*ξυλοσελλίου*), губокъ, опилокъ, отрубей, тряпокъ, требешковъ и прочаго на годъ—4 иперпиры, на песокъ (*χοοσπῶν*) и чистку больницы, которая должна была производиться служителями два раза въ мѣсяцъ,—половина иперпиры на годъ, для больничнаго большого камина (*ἄραιρα μεγάλη*) и двухъ малыхъ—въ хирургическомъ отдѣлениі (*εἰς τὸ τραῦμα*) и въ женскомъ (*εἰς τὸ γυναικεῖον*) выдавалось 20 возовъ угля (стр. 687—689).

Годичное жалованье врачамъ и другимъ лицамъ, служащимъ при больницахъ, выдавалось деньгами и хлѣбомъ. Два приммикирія, въ качествѣ руги, получали $4\frac{1}{2}$ золотыя монеты, существующія въ обращеніи (*τὰ κατὰ τὴν ἡμέραν προτιμώμενα πάντων*), на приварокъ (*ὑπὲρ προσφαγίου*), половину золотой номисмы и хлѣбомъ (*ὑπὲρ ἀννόνας*) 45 годовыхъ модіевъ; два первыхъ врача или протоминиты получали подобныхъ 7 номисмъ, на приварокъ половину номисмы и хлѣбомъ 38 модіевъ; два первые хирурга имѣли тоже содержаніе; другие четыре послѣ нихъ получали по 6 золотыхъ номисмъ, на приварокъ по одной трети номисмы и хлѣба по 36 модіевъ; два врача женскаго отдѣленія получали тоже содержаніе; два монастырскіе врача получали по 4 номисмы, на приварокъ четверть номисмы и 30 модіевъ хлѣба; два врача по внутреннимъ болѣзнямъ и два хирурга, для приходящихъ больныхъ, какъ сверхштатные,—по 4 номисмы, на приварокъ по одной четверти номисмы и по 30 модіевъ хлѣба; завѣдующій больницею—номисмъ 8, на приварокъ двѣ части номисмы, хлѣба 50 модіевъ, ячменя 60 модіевъ и сѣна одну хиліаду; женщина врачъ (акушерка) вмѣстѣ съ приваркомъ—3 золотыхъ номисмы и 26 модіевъ хлѣба; два помощника (*δύο διπτίονες*)—по 3 номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{6}$ номисмы и 28 модіевъ хлѣба; старшій (*ὁ μεῖζότερος*), исполнявшій и обязанности келаря—4 номисмы, на приварокъ $\frac{1}{2}$ номис-

мы и 46 модиевъ хлѣба; начальникъ аптеки (*ὁ ἐπιστήκων τοῦ πημέντου*)—три съ половиною и одною третью золотой номисмы (*υομίσματα ὄμοια τρία ὕμισι τρίτου*), на приварокъ $\frac{1}{2}$ номисмы, на вино и приварокъ для аптекарей, когда они заняты приготовленіемъ лекарствъ, денегъ 25 оволовъ или трахеевъ, хлѣба 42 годовыхъ модія, на сита одну богоодичную номисму и въ маѣ мѣсяцѣ для ботаника (*λόγῳ τοῦ βοτανολογίου*) или собирателя травъ—шесть старыхъ иперпиръ и хлѣба девять модиевъ; 16 штатнымъ фельдшерамъ съ четырьмя фельдшициами выдавалось по $2\frac{1}{2}$ новыя номисмы, находящіяся въ употребленіи, на приварокъ по $\frac{1}{6}$ номисмы и хлѣба по 24 модія; 8 сверхштатнымъ фельдшерамъ и фельдшициамъ—по 2 подобныхъ номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{12}$ номисмы и хлѣба по 20 модиевъ; тремъ штатнымъ аптекарямъ—по $3\frac{1}{2}$ подобныхъ номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{6}$ номисмы и хлѣба по 24 модія; двумъ сверхштатнымъ аптекарямъ—по $2\frac{1}{2}$ номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{12}$ номисмы и хлѣба по 20 модиевъ; тоже самое содержаніе получаютъ и 4 сверхштатны фельдшера, которые присутствуютъ при приемѣ приходящихъ больныхъ и прислуживаютъ въ больницѣ монастыря; 3 служителей и 3 женскія прислуги¹⁾ получаютъ по 4 номисмы, на приварокъ по $\frac{1}{4}$ номисмы, хлѣба по 30 модиевъ и мѣсячнаго жалованья каждый мѣсяцъ по 8 трахеевъ или оволовъ; два священника съ приваркомъ—по 6 номисмъ и хлѣба по 25 морскихъ модиевъ, вина по 28 подобныхъ метровъ, и мѣсячнаго каждый изъ нихъ получалъ четыре трахея; два чтеца съ приваркомъ—по 3 иперпиры новыя, хлѣба по 12 морскихъ модиевъ, вина по 9 метровъ и помѣсячно каждому выдава-

¹⁾ На обязанности женской прислузы лежало, кромѣ ухода за больными, дѣлать мази, приготавливать пластыри и имѣть попеченіе о неугасимыхъ лампадахъ въ церкви больницы, обѣ освѣщеніи всего больничнаго зданія со всѣми принадлежащими ему службами (стр. 678).

лось по 4 номисмы; швейцарь, въ качествѣ руги съ приваркомъ, получалъ три новыя номисмы, хлѣба 24 годовыхъ модія и мѣсячнаго каждый мѣсяцъ четыре трахея; котельщикъ—три подобныя номисмы, на приварокъ $\frac{1}{4}$ номисмы, хлѣба 30 подобныхъ модіевъ и помѣсячно четыре трахея; два повара съ хлѣбникомъ—по 3 номисмы съ приваркомъ, хлѣба по 30 подобныхъ модіевъ и помѣсячно по 4 трахея; пять прачекъ по $1\frac{1}{2}$ номисмы, хлѣба по 12 подобныхъ модіевъ и помѣсячно по 4 номисмы (трахея), и сверхъ сего каждое воскресеніе на мыло для мытья бѣлья больныхъ, лежащихъ въ больницѣ, по 12 фолліевъ; священникъ для погребеній съ приваркомъ получалъ 3 новыя номисмы, хлѣба 20 модіевъ, ежемѣсячно по 4 трахея; 4 гробокопателя—по 2 подобныя номисмы, хлѣба по 12 модіевъ; привратникъ— $2\frac{1}{3}$ новыя иперпиры, на приварокъ одну шестую номисмы и хлѣба 25 годовыхъ модіевъ; два булочника (*ἄροι μαγιστές*)—по 4 иперпиры, на приварокъ по одной номисмѣ и хлѣба по 30 годовыхъ модіевъ; конюхъ, ухаживающій за мелничными лошадями и исправляющій обязанности кучера, во время вазитовъ врачей,—4 подобныя иперпиры и хлѣба 24 подобныхъ модія, къ тому же для продовольствія трехъ мельничныхъ лошадей выдается ему ячменя 547 годовыхъ модіевъ, съна три хиліады и достаточное количество мякины (*άχυρον*). Для печенія хлѣбовъ больнымъ и призрѣваемымъ старцамъ ежегодно отпускалось дровъ 180 морскихъ писсъ, на сита для булочной ежегодно по 2 богородичныя номисмы, для корытецъ (*σκαφιδίων*), льняныхъ покрываль и всего прочаго обихода,—три другія богородичныя номисмы. Мельникъ при двухъ мельницахъ (*έργαστήρια*) получалъ 2 иперпиры и хлѣба 16 годовыхъ модіевъ, а при одной половину всего; наблюдающій за каналами (*καναλοπλύτης*)—2 новыя иперпиры, на приварокъ $\frac{1}{6}$ подобной номисмы и хлѣба 25 монастырскихъ модіевъ; точильщикъ (*άκονητής*), который обязанъ былъ открывать кровь (*φλεβοτομεῖν*) больнымъ и заботиться о чистотѣ врачебныхъ

инструментовъ (тѣ *ἰατρικὰ ἑργαλεῖα*), находящихся въ больницѣ, такъ какъ въ больницахъ должны быть непремѣнно всякаго рода ланцеты (*φλεβότομα*), жельза для прижиганія ранъ (*σίδηρα καιστήρων*), каѳетиръ (*καθετήρ*), инструменты для зубовъ (*δδοντάγρα*), желудка, головы и прочіе необходимые на всякий случай, а также мѣдные рукомойники по одному для каждого отдѣленія, въ коихъ врачи омываютъ руки послѣ операций, — получалъ полторы новыя иперпиры и хлѣба 12 годовыхъ модіевъ; дровосѣкъ (*χηλότομος*) — 3^{1/2} новыхъ иперпиры, на приварокъ ^{1/2} и хлѣба 30 годовыхъ модіевъ; лудильщикъ (*ὁ χαλχοφατᾶς*) и бондарь (*ὁ καδδαρᾶς*) получаетъ 2 подобныхъ иперпиры и хлѣба 20 модіевъ¹⁾ (стр. 689—692).

Врачи больницы и фельдшера съ фельдшерицами, кромѣ годичныхъ окладовъ, получали еще опредѣленные мѣсячные. Всѣмъ имъ ежемѣсячно выдавалось по пяти трикефальныхъ (*τρικέφαλα*) номисмъ. Врачу протоминиту за помощь, оказываемую имъ приходящимъ больнымъ, выдавалась одна такая же трикефальная монета, а фельдшеръ *λъ-Экскуваторамъ* — 36 номисмъ трахеевъ. Сверхъ всего этого, въ храмовые монастырскіе праздники, въ другіе торжественные дни года и въ дни царскихъ поминовеній были добавочные наградныя деньги для всего состава служащихъ лицъ въ больницахъ. Въ храмовой праздникъ Преображенія Господня въ монастырѣ врачамъ и прислугѣ выдавалось 50 номисмъ трахеевъ и 920 тетартировъ (*υομίσματα τραχέα πεντήχοντα καὶ τεταρτηρὰ ἐννεακόσια εἴκοσιν*); въ праздникъ Срѣтенія — 309 номисмъ тетартировъ; въ 1 число ноября мѣсяца, когда празднуется память патроновъ медицины св. врачей безсребренниковъ Косьмы и Даміана — 15 монетъ трахеевъ; въ великой четвергъ, когда игуменъ омываетъ ноги, врачамъ и всей прислугѣ, выдава-

¹⁾ Въ уставѣ прямо опредѣляется, что 5 монастырскихъ модіевъ и метровъ равняются четыремъ морскимъ, годичнымъ (*ἀννουικά*) три модія — двумъ морскимъ (стр. 694).

лось 42 трахея (стр. 592), и на свѣчи, сверхъ того, три иперпиры (стр. 689); въ каждую субботу, когда совершалось царское поминовеніе, врачи и больничная прислуга получали четыре номисмы иперпиры; въ началѣ каждого мѣсяца на коливо и просфоры по 6 модіевъ хлѣба, что въ годъ составляло 72 монастырскихъ модія; въ три поминальные субботы, т. е. въ мясопустную, сыропустную и Пятидесятницы, ради поминовенія братій, скончавшихся въ этой больницѣ, врачи и прислуга больницы всякую субботу получали хлѣба по 15 монастырскихъ модіевъ и деньгами по 250 фолліевъ (стр. 685).

Принимая во вниманіе всѣ эти получки и прибавки къ жалованью, а равно и то, что врачи, служащіе при больницѣ, пользовались даровою квартирой, освѣщеніемъ (стр. 687) и даже монастырскими лошадями (стр. 684 — 691), не удивительно никакъ, что императоръ совершенно возбранилъ имъ частную практику въ городе, а особенно визиты къ лицамъ высокопоставленнымъ, начальственнымъ и приближеннымъ къ императору, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ случаевъ, когда послѣдуетъ на это распоряженіе самаго государя. Это дѣжалось императоромъ, съ одной стороны, въ виду того, чтобы врачи оставались всегда на свое посту при больницѣ и не довѣряли бы больныхъ кому либо изъ своихъ подчиненныхъ (*διὰ συμπέρφων τινὰ τῶν ἰατρῶν*), а съ другой, чтобы врачи эти не злоупотребляли больничными лекарствами, выдавать которыхъ на сторону строго возвращалось (стр. 693).

Печительность свою о врачахъ императоръ простеръ до того, что взялъ на себя заботу даже о дѣтяхъ ихъ. Въ видахъ обученія ихъ врачебному искусству, онъ открылъ при больницѣ неофиціальную школу (*οὐ γὰρ φέ δόφεικλου τυποῦται παρ' ἡμῶν τὸ διδασκαλίον*) и назначилъ въ нее изъ опытныхъ врачей больницы учителя, который въ жалованье былъ уравненъ во всемъ съ завѣдующимъ больницею, чтобы тѣмъ самымъ побудить его усердно и прилежно исполнять возложен-

ныя на него обязанности. Достойного и усердного учителя императоръ рекомендуєтъ награждать, небрежнаго въ исполненіи своей обязанности наказывать лишеніемъ жалованья и даже совершенно удалять отъ должности, съ замѣною другимъ болѣе старательнымъ (стр. 693).

При больницѣ въ отдѣленіяхъ мужскомъ и женскомъ были устроены церкви¹⁾), въ которыхъ для больныхъ совершались литургіи по средамъ, пятницамъ, субботамъ и воскресеніямъ, а также и праздничные дни (стр. 689); имѣлись двѣ мельницы, на которыхъ работали три лошади, булочная (μαγιστεῖον) (стр. 686), а равно и другія заведенія, полезныя въ большомъ хозяйствѣ, какъ напр., слесарня, кузница, бендерня (стр. 692), баня, хорошо обставленная всѣмъ необходимымъ (стр. 670), и проч. Баня для больныхъ, по требованію врачей, была всегда готова къ услугамъ ихъ. Они посѣщали ее въ сопровожденіи фельдшеровъ и достаточного количества прислуги. Обыкновенно больные мылись въ банѣ два раза въ недѣлю (стр. 686).

Вторымъ филантропическимъ учрежденіемъ при Пандократорскомъ монастырѣ была богадѣльня (γηροκομεῖον) для увѣчныхъ, хромыхъ, безпріютныхъ и безпризорныхъ стариковъ въ количествѣ 24 мужчинъ. Сюда, по волѣ императора, не могли принимать сариковъ здоровыхъ, мужчинъ сильныхъ, монаховъ монастыря, людей знатныхъ господъ, или принадлежащихъ церкви, или рабовъ, однимъ словомъ, лицъ, способныхъ къ труду и могущихъ снискивать себѣ пропитаніе. Каждому изъ призрѣваемыхъ старцевъ полагалось ежегодно выдавать 20 морскихъ модіевъ хлѣба, 18 такихъ же метровъ вина, 2 модія бобовъ, 50 литръ сыру, одинъ морской метръ елея, три морскія писсы дровъ, а въ качествѣ руки и на одѣж-

¹⁾ На содержаніе этихъ больничныхъ церквей императоръ приказалъ отпускать въ годъ для просфоръ 10 морскихъ модіевъ хлѣба и вина 10 такихъ же метровъ. (стр. 688).

ду—2 иномисмы иперпиры. Въ дни поминовеній царской фамиліи и въ праздники они получали прибавку наравнѣ съ тѣми, кѣторымъ была выдача у воротъ обители, а въ великий четвергъ, послѣ омовенія ногъ старцамъ, игуменъ раздавалъ по одной иперпирѣ на восемь человѣкъ, т. е. три иперпиры на всю богадѣльню.

Главнымъ надзирателемъ въ богадѣльнѣ былъ благочестивѣйшій (о тѡν πολλῶν εὐλαβέστερος) монахъ обители, который обязанъ былъ со всякимъ стараніемъ наблюдать за прізрѣваемыми. Въ распоряженіи завѣдующаго богадѣльнею были шесть служителей, которые за свой трудъ получали, въ качествѣ руги,—по 2 иперпиры, хлѣба по 20 морскихъ модіевъ, вина по 16 такихъ же метровъ, на приварокъ · по 2 морскихъ модія бобовъ и сыру 50 литръ.

При богадѣльнѣ была церковь и свой особый священникъ. На содержаніе церкви (τοῦ εὐχτηρίου) положено было 2 морскихъ метра елея, вина 6 метровъ, на просфоры хлѣба 6 морскихъ модіевъ, воску 24 литры и єиміама 6 литръ. Священникъ богадѣльни съ приваркомъ получалъ 6 иперпиръ, хлѣба 24 морскихъ модія, вина 18 метровъ, а чтецъ половину священническаго содержанія.

Призрѣваемые два раза въ мѣсяцъ мылись въ банѣ больницы. Въ случаѣ болѣзни кого либо изъ старцевъ, по заявленію священника богадѣльни, приглашали изъ больницы врача или же фельдшера, и принимались мѣры къ облегченію страждущаго. Въ случаѣ тяжкой болѣзни, старца переводили въ больницу, гдѣ онъ находился до полнаго выздоровленія, когда снова возвращался въ богадѣльню. (стр. 694—695).

Умершихъ въ больницѣ и богадѣльнѣ хоронили или въ общей усыпальницѣ (ἐν τῇ κοιμῆ ἀποθέσει τῷ σφιάτῳ) при церкви св. апостола Луки¹), или въ другихъ усыпальницахъ

¹) О кладбищѣ при этой церкви упоминаетъ арх. Антоній въ своемъ путешествіи. «И странь того (т. е. мощей свв. Кири и Іоанна)

города и по ту его сторону (*καὶ ἐν τοῖς πέραθεν*), поэтому императоръ Иоаннъ Комненъ приказалъ устроить въ монастырѣ Мидикарія, находящемся напротивъ монастыря Пандократора (*ἐν τῇ πέραθεν ἡμετέρᾳ μονῇ τοῦ Μηδικαρίου*), на землѣ его величиною въ 2 модія, усыпальницу съ храмомъ (*εὐχτήριον*) и окружить ее со всѣхъ сторонъ глиняною стѣною, покрытою оловомъ, съ одною лишь дверью для входа на кладбище. Въ этомъ храмѣ-усыпальнице одинъ изъ монаховъ монастыря Мидикарія въ пятницу долженъ совершать вечерню съ панихиidoю, а въ субботу заупокойную літургію по всѣмъ усопшимъ братіямъ. За свой трудъ онъ не получалъ особенного вознагражденія, кромѣ положенного по штату, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда на это послѣдуетъ специальное распоряженіе погребаемыхъ на данномъ кладбищѣ. На содержаніе храма изъ монастыря Пандократора выдавалось ежегодно 12 литръ воску, полтора анноническаго метра елея, 6 литръ ладану, на просфоры 6 монастырскихъ модіевъ хлѣба и столько же метръ вина (стр. 693—694).

Для братій, страдающихъ душевно (*τῶν χατεχομένων τῇ ἑρᾶ νόσῳ*), императоръ устроилъ психиатрическую лечебницу—третье *богоугодное заведеніе*. Такъ какъ часть города, где находился Пандократорскій монастырь, была густо населена жителями, то мѣсто для ея построенія избрано императоромъ вдали отъ города. Это дѣлалось, съ одной стороны, чтобы доставить больнымъ необходимые покой и тишину (*εἶναι αὐτοῖς ἀνενόχλητον*), а съ другой, удалить отъ глазъ сосѣдей, обитателей данной мѣстности, такихъ больныхъ, которые своимъ поведеніемъ могутъ причинять беспокойство и слу-

церкви святаго Луки, пишетъ нашъ паломникъ, идѣже *всльхъ умершихъ погребаютъ*» (П. Савваит. Путеш. въ Царьградъ стр. 122). Находилась эта церковь, построенная царицею Ириною Аениянкою (780—802), въ XII части города, недалеко отъ монастыря св. Мокія (тамъ же стр. 122, прѣм. 155, 159).

жить причиною соблазнительныхъ сценъ. Заботу объ этой лечебницѣ и продовольствіи въ ней больныхъ императоръ возложилъ на монастырь. (стр. 695).

Въ виду особенныхъ условій монастырской жизни описываемой обители и тѣхъ широкихъ филантропическихъ цѣлей, какія, по мысли царственнаго ктитора, она должна была преслѣдоватъ и исполнять, императоръ Іоаннъ Комненъ, его покойная супруга Ирина и родственники императорской фамиліи позаботились обезпечить ее богатыми вкладами, припискою монастырю земель и угодій, приносящихъ хороше доходы. Типикъ императора Іоанна Комнина, данный монастырю въ 1136 году, подробно перечисляетъ многочисленныя имущественныя достоянія обители Цандократора и ея доходы. Эти достоянія состоятъ изъ пригородныхъ земель (τὸ προάστειον), дачъ (ἡ ἐπίσκεψις), гостинницъ (Ξενοδοχεῖον), имуществъ (ὑπόστασις), домовъ съ квартирами (οἶκος μετὰ καὶ τῶν ἔυοικηῶν αὐτοῦ), полей (χωράφιον), виноградниковъ (ἄμπελώνων), мѣстечекъ или деревень, отдаваемыхъ подъ военные посты (χωρίον σὺν τοῖς προσκαθημένοις ἐκεῖσε ἑστρατευμένοις), соленыхъ варницъ (ἀληκαῖ), торговыхъ рынковъ (ἐμπορεῖον), изъ десятинъ съ кабачковъ (ἡ δεκατεία τῶν οἰναρίων), бань (τὸ λουτρόν), изъ деревень съ крестьянами (τὸ χωρίον σὺν τοῖς ἐκεῖσε προσκαθημένοις παροίκοις); изъ мельницъ (μυλώνων), изъ цѣльныхъ благоустроенныхъ имѣній (χτήματα), изъ доходовъ съ монастырей, подчиненныхъ Цандократорской обители, изъ дани (τὰ τελέσματα) митрополій Патрской, епископіи Меѳонской, монастыря Моловотійскаго (τῆς μονῆς Μολιβωτοῦ) и т. д. (стр. 697 — 699). Мы, къ сожалѣнію, не можемъ точно указать, гдѣ находились всеѣ владѣнія Цандократорской обители и опредѣлить имущественную ихъ цѣнность, но изъ Типика видно, что они были пригородныя, городскія, но большею частію ино-городнія, какъ напр., въ Солунѣ, Аѳинахъ, Патрахъ и другихъ городахъ и на многочисленныхъ островахъ Средиземнаго

моря. Съ теченіемъ времени, при преемникахъ императора Иоанна Комнена, метохи обители значительно увеличились, а, слѣдовательно, и материальныя средства ея постоянно возрастили.

A. Дмитревскій.